

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2002 г.

ПИ № ФС 77-63324
от 09.10.2015 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: www.mpgu.pf,
см. раздел «Издания МПГУ»
E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

4.2016

THE SOUNDER:
Moscow State
University
of Education

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-63323
as of 9.10.2015

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
1092403

E-mail: rhema.pema@gmail.com
Information on journal can be
accessed via: www.mpiyu.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

*Заместитель главного редактора,
заведующая рубрикой литературоведения*

Татьяна Юрьевна Журавлева – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета.

Заведующая рубрикой лингвистики

Екатерина Анатольевна Лютикова – кандидат филологических наук; доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Илона Кишш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс», г. Будапешт, Венгрия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии), Университет Страны Басков, г. Витория, Испания.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллиннского университета, Эстония.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук, Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – кандидат филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Клара Эрновна Штайн – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Deputy chief editor, head of the section of textual criticism

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology; associate professor of the Department of Russian Literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education.

Head of the section of linguistics

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab., professor at the Chair of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow State University of Education.

Aleksandr Feduta – PhD in Philology; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor of ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the «Russian Quarter Journal» of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses «Europe», «Magveto» and «Tipoteks», Budapest, Hungary.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; Associate Professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, The University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor of the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab., senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore»; senior research fellow at the School of Humanities, Tallinn University, Estonia.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab, professor full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the sector of typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor of the Department of Bulgarian, research fellow of the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, The Constantine of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor of the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Klara E. Shtayn – Dr. Phil. Hab., full professor; professor at the chair of the Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab, full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil.Hab, professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab, full professor; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor and leading research fellow of the Institute of Philosophy and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.А. Коновалов

Интертекст в повести Л.Д. Ржевского «Паренек из Москвы»	9
--	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.И. Ионов

Автоматическое определение дискурсивного статуса референта именной группы	24
--	----

В.М. Ковальская

Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия	43
--	----

*Е.В. Корнакова, Е.А. Лютикова,
П.В. Гращенков*

Лицензирующие свойства отрицания в русском языке	58
---	----

А.Б. Летучий

Согласование с сентенциальными актантами в адыгейском языке	83
--	----

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКИ

Д.Б. Тискин

Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров – 2016» и Четвертая конференция по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию (Московский педагогический государственный университет – Институт языкознания РАН, 12–14 октября 2016 г.).	105
--	-----

Contents № 3.2016

LITERARY CRITICISM

A.A. Konovalov

- The intertext in the novel «The Boy from Moscow»
by L.D. Rzhnevsky 9

LINGUISTICS

M.I. Ionov

- Automatic detection of the discourse status of a referent
of a noun phrase. 24

V.M. Koval'skaja

- Parameters of derivational conversion and Russian
adverbial participles. 43

E.V. Kornakova, E.A. Lyutikova,

P.V. Grashchenkov

- Licensing properties of Russian negation. 59

A.B. Letuchiy

- Agreement with complement clauses in Adyghe. 84

REVIEWS. NOTICES. CHRONICLES

D. Tiskin

- The 6th conference in the series «Typology
of Morphosyntactic Parameters» and 4th Conference
on General, Nordic and Slavic linguistics
for graduate and doctoral students
(Moscow State University of Education –
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences, 312–14 October 2016). 106

А.А. Коновалов

Московский педагогический государственный университет,
119991, Москва, Россия

Интертекст в повести Л.Д. Ржевского «Паренек из Москвы»

В статье исследуется интертекст повести Л.Д. Ржевского «Паренек из Москвы» на уровне интерпретации семантики названий, эпитафий, системы цитации, аллюзивного и ассоциативного планов, реминисценций. Интертекстуальный фон повести широк и разнообразен: помимо присутствующих в тексте свыше 20 цитат и квазичитат, в произведении упомянуты более 10 культурных констант XIX и XX вв.

Ключевые слова: Л.Д. Ржевский, литература русского зарубежья, эмиграция, интертекст, цитата, аллюзия, реминисценция, ассоциация, семантика названия, контекст.

A.A. Konovalov

Moscow State University of Education,
Moscow, 119991, Russia

The intertext in the novel «The Boy from Moscow» by L.D. Rzhevsky

This article examines the intertext of the novel «The Boy from Moscow» by L.D. Rzhevsky at the level of interpretation of the semantics of the titles, epigraphs, citations, allusive and associative plans and reminiscences. The intertext background of the novel is very diverse: as well as the twenty quotes and quasi-quotes that are present in the text, it also contains more than ten cultural constants of XIX and XX centuries.

Key words: L.D. Rzhevsky, intertext, Russian literature abroad, emigration, quotation, allusion, reminiscence, association, semantics of names, context.

Интертекст для произведений Л.Д. Ржевского всегда был важнее, чем собственно текст. Об этом свидетельствуют его многочисленные литературоведческие труды [Ржевский, 1970], а также обилие цитат, аллюзий и реминисценций в его текстах. Ученик и последователь И.А. Бунина, Л.Д. Ржевский не стремится к созданию сюжетной прозы, его творчество отличает лиризм повествования и квазибессюжетность. Профессиональный филолог, кандидат наук, он вводит читателя в свою творческую лабораторию, говорит о необходимости внимательного отношения к слову как со стороны автора, так и читателя. Таким образом, по мнению Л.Д. Ржевского, в дуэте «автор – читатель» всегда должен быть элемент сотворчества, когда читатель умеет видеть между строк, т.е. грамотно и проницательно интерпретировать интертекстуальный контекст произведения. Это не отрицает наличия в творчестве Л.Д. Ржевского имплицитики, но, поскольку как писатель он сложился уже на Западе после 1950 г., ему не было смысла зашифровывать какие-либо политические события и факты, в этом смысле он ограничился лишь автоматифотворчеством, т.е. конструированием собственной биографии.

Повесть «Паренек из Москвы» написана по следам Венгерских событий 1956 г. К тому времени Л.Д. Ржевский и его жена Аглая Шишкова уже 13 лет живут в Европе, это время знакомства, дружбы и переписки их семьи с И.А. Буниным, который дал высокую оценку первой повести Ржевского «Девушка из бункера», смерти Бунина, смерти Сталина, наступления хрущевской оттепели в СССР и, в частности, Венгерского восстания осени 1956 г.

Как это часто происходит в прозе Л.Д. Ржевского, чем проще сюжет произведения, тем сложнее его лирико-философская проблематика, а также филологическое и культурологическое обрамление. В повести «Паренек из Москвы» говорится о встрече автора с неким молодым эмигрантом из Советского Союза, двух их беседах: первая – о быте подмосковной глубинки середины XX в., вторая – об особенностях и последствиях восприятия Венгерских событий 1956 г. советской молодежью оттепельного периода. Лирико-философской доминантой повести являются отношения внутри любовного треугольника основных героев, а также проблема правды и выбора, решаемая на событийном материале Венгерской осени. Эксплицитно позиционируются очевидные выводы: об отсталости российской провинции, контрасте оттепельной столицы и патриархального «загорода», а также о невозможности объективного освещения в СССР важных мировых политических событий по цензурным причинам со всеми вытекающими отсюда выводами [Кулаева, 2014].

Имплицитика повествования организуется автором многоступенчато и тщательно, с использованием множества метаартовых аллюзий. Все это образует пространство интертекста произведения [Кулаева, 2014].

Таким образом, целью настоящей работы является исследование специфики интертекста повести Л.Д. Ржевского «Паренек из Москвы» на уровне интерпретации семантики названий, эпиграфа, системы цитации, аллюзивного и ассоциативного планов.

Название повести – «Паренек из Москвы» – определяет общую нарративно-тематическую тональность повествования [Комуцци, 2014]. Ничем не выдающийся, кроме происхождения (сын заместителя министра), парень, молодой эмигрант Валерий, выпускник Московского государственного педагогического института, встречается с таким же обычным человеком, только постарше, – писателем, выпускником того же вуза, эмигрантом опытным, и рассказывает ему два эпизода из своей жизни на Родине. Писатель обрабатывает устный рассказ Валерия в две микроновеллы – «Трое в «Победе»» и «Фён». Интертекст в данном случае создается следующими приемами.

1. Нарочитая анонимность нарратора при упоминании конкретных имен общих московских знакомых героя и рассказчика.

2. Обрисовка заведомо узнаваемых топоконтуров – Северо-западной Европы как места основного действия и исторического Главного аудиторного корпуса Московских высших женских курсов, спроектированного архитектором С.У. Соловьевым и открывшегося в 1913 г. (там с 1917 г. располагался 2-й МГУ, позже переименованный в МГПИ им. В.П. Потемкина, затем в МГПИ им. В.И. Ленина).

3. Смысловая синкопия – кажущееся смещение акцента повествования с социально-политической темы на любовный треугольник, мнимое отвлечение читателя от основного сюжета, мистификация.

4. Анонсирование во вступительной части повествования образов «Победы» и фёна, которые, в свою очередь, номинировали обе микроновеллы повести. Интертекстуальная символика этих образов является также и сюжетообразующей: на автомобиле марки «Победа» герои совершают путешествие в Подмоскowie, победа СССР во Второй мировой войне – основное событие XX в., победы не добились восставшие осенью 1956 г. венгры, победа совести над страхом у Киры, обнародовавшей правду о событиях в Будапеште, победа истинной, а не мнимой, любви Киры и Клим. Так «Победа» в повести становится концептом текста и важной составляющей интертекстуального фона произведения.

«Говорящим» эпиграфом – строками из стихотворения Шандора Петефи «Венгерец я»:

*Мы ходим все, пригнувшись до земли,
Мы прячемся, боясь чужого взора...*

[Петефи, 1963], –

автор задает интертекстуальную доминанту повествования, связывая с повестью «Паренек из Москвы» целый ряд своих произведений: «Сентиментальная повесть», «Сольфа Миредо» и др., где тема «Пилатова греха», трусости, конформизма четко пересекается с аналогичной в данном произведении. Главный герой микроромана о венгерских событиях «Фён» Валерий тоже не смог отказаться выступить с официальной ложью о происшедшем, хотя знал альтернативную точку зрения из «Голосов», выступающих в роли нарративных гештальтов повествования [Комуци, 2014].

Продолжение стихотворения Петефи таково:

*И нас родные братья облекли
В одежды униженья и позора*

[Петефи, 1963].

Это также интертекстовая имплицитика; продолжение цитаты для посвященных предвещает социально-политический контекст повести и одновременно намечает пушкинскую линию повествования, аллюзируя к его стихотворению «Пророк». Таким образом, выбор автора намекает на венгерский сюжет как прасовую событийной канвы повести, а смысловое содержание цитаты определяет имплицитные корни его лирико-философского сюжета.

Цитаты составляют важную смысловую часть небольшой по объему повести. Тем самым Л.Д. Ржевский расширяет социально-культурный и философско-политический фон текста, подчеркивая, что события и ситуации в повести имеют архетипические корни в самой жизни и совершенно закономерны в общественно-историческом ключе. Кроме того, использованием цитат и фоновых аллюзий автор строит нарратив именно в плане «герой – повествователь» как на уровне собственно рассказчика и Валерия, так и в том плане, где рассказчиком/повествователем является Валерий.

Аллюзивный ряд открывает искаженная цитата из каватины Князя из оперы А. Даргомыжского «Русалка» «Все мне на память приводит былое» [Даргомыжский]. Эти слова говорит младший эмигрант Валерий, но они по смыслу и настроению подходят и старшему, для которого это «былое» вообще является источником творческого вдохновения и жизни. Далее мы еще вернемся к этой цитате, которая, разумеется, использована автором не случайно.

Л.Д. Ржевский очень тонко чувствует стилистическую меру и гармонию, то, что Пушкин в свое время называл соразмерностью и соответностью [Пушкин, 1960а, с. 15]. Так, следующая цитата снижает классический пафос первой и вообще сглаживает некоторую «конструированность» повествования. Горькая ирония в том, что у этой обширной цитаты (а речь идет о «цитате в цитате») «заклеен автор», и это происходит через каких-нибудь 3 года после смерти этого самого «автора» – «отца народов»; да и сама искаженная цитата – из предисловия к «Книге о вкусной и здоровой пище» [Книга, с. 20]: *Около вешалки лепился плакат с какой-то цитатой в живописной рамке из фруктов, дичи и вин. Фамилия под цитатой была заклеена. «Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни».* Эти слова в сочетании с описанием жалкого быта советской провинции недалеко от Москвы создают третий иронический пласт повести.

Следующая цитата из одноименного стихотворения А.К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит» [Толстой, 1981] повторяется дважды. И это снова подчеркивает как ироническую имплицитику (герои зашли в провинциальный ресторан), так и ностальгический мотив (в жизни героя нашелся такой край – Западная Европа, но Родина потеряна безвозвратно).

«Теперь у нас дороги плохи» [Пушкин, 1960а], – этот образ из «Евгения Онегина» стал нарицательным. В повести Л.Д. Ржевского это один из вечных пушкинских мотивов, связывающих прошлое и настоящее, подчеркивающих неизменность исторического пути России и контраст с Западом.

Потенциальное «инакомыслие» героини повести Киры, которое выразится позже в обнародовании правды о Венгерских событиях 1956 г., обозначается также «пунктирно», как и многое в пейзажно-портретных зарисовках Л.Д. Ржевского: Кира не такая, как все, «рыжая», и это также подчеркивается иронической аллюзией. *Рыжий и, если не ошибаюсь, косою «не могут свидетельствовать на суде, понеже Бог шельму метит»*, эту цитату герой повести приписывает Петру Первому.

Особенность интертекстуального строения повествования Л.Д. Ржевского – в его структурированности, четкости конструкций. Это проза филолога, получившего университетское образование в эпоху заката формальной школы в литературоведении, и это довольно внятно прослеживается в его текстах. Итак, Л.Д. Ржевский чередует иронические и «серьезные» цитаты, конструируя интертекст повести как один из самостоятельных его пластов. Иронический пассаж о рыжих

меняется цитатой из пьесы М. Горького «На дне»: *Ложь – религия рабов и хозяев* (действие 4). И снова автор предполагает наличие просвещенного читателя, знающего продолжение высказывания: *Правда – бог свободного человека* [Горький, 1969]. Всё это соответствует философской концепции Л.Д. Ржевского, согласно которой ложь и конформизм есть закономерное порождение эпохи «рабов и хозяев», а чтобы достичь правды, нужна высокая степень внутренней свободы, которую уже никогда не обрести человеку, мятущемуся «между двух звезд», двух миров, двух образов жизни.

Интертекстуальный ряд продолжает и разряжает аллюзия к образу гоголевской девчонки-проводной из поэмы «Мертвые души»: *В гостинице был ремонт; девочка-портье, похожая на ту, что показывала когда-то Чичикову дорогу к Манилову, молча и заморожено разглядывала затворы на Валериевой куртке... .. и зеленая капля над верхней ее губой то набухла, то укорачивалась* [Ржевский, 2005, с. 6], и грустный вывод про Русь: *Одна заматерелость в предании и никакой идеи* (приписано Н.С. Лескову) завершается цитатой из пародии А. Финкель (1919) на стиль С.А. Есенина: *Рязанские лощины, коломенская грусть...* [Финкель, 1990], что еще раз объективизирует характеристику системы персонажей нарративного ряда.

Продолжение горьковской социально-философской темы следует и в цитате из стихотворения Б.Л. Пастернака «Гамлет» [Пастернак, 2003]: *«Все тонет в фарисействе», как сказал один поэт, которого мы не печатаем* [Ржевский, 2005, с. 14]. Фарисейство, Пилатов грех – частотные и взаимосвязанные для Л.Д. Ржевского библейские образы, которые он метафорически проецировал на современную ему советскую действительность. Здесь же интертекстуальная подробность о запрещенном в СССР Б.Л. Пастернаке. Герой повести Л.Д. Ржевского Валерий с горечью рассуждает о «карманной правде», которая в ходу в Советской России. И в ткань этого рассуждения вновь врывается цитата: *Какой правды? Карманной? Для настоящей большой правды есть у нас условия? Скажи ты правду пооткровенней – и ты конечный человек. Отчего наши литературные «пророки» превратились в «блюстителей дум»? Оттого что запуганы либо задобрены. Это, кажется, Фридрих Второй прусский говорил, что профессора и деву можно купить. У нас купили еще и писателей* [Ржевский, 2005, с. 14].

Интертекстуальный фон произведения еще более усиливается за счет сопоставлений западной и советской литературы. Причем на суждения Валерия о «кукурузных Мересьевых» и «идиотских субботниках» его оппонент Клим, сторонник «морального похода на ложь», отвечает, что *Мересьев – тема подвига, утверждение воли* [Ржевский, 2005, с. 14].

И «Старик» Хемингуэя тоже утверждение воли, – парирует Валерий [Ржевский, 2005, с. 14]. В этом диалоге нет убедительных идеологем, каждый лишь «чувствует» и выражает эти чувства, как удастся. Но следующая цитата помогает на интертекстуальном уровне прояснить позицию Валерия, который умом понимает невозможность выбраться из идейного болота эпохи, но чувствует, что такие попытки все равно продуктивны, поскольку как раз и избавляют от «Пилатова греха» трусости, воспитывают достоинство и честь:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой, –*

цитирует герой «Фауста» И. Гете [Гёте, 2006]. Герои 1950-х гг. и не «реформисты-постепеновцы», и не «Дон Кихоты» [Ржевский, 2005, с. 15], и в этом трагедия их поколения.

Именно интертекстуально автор и отвечает на самые важные философские и морально-этические вопросы своего времени. Объемная цитата из стихотворения Риммы Казаковой «Подснежник» (2 четверостишия) как раз и отвечает на вопрос, что же нужно человеку для того, чтобы «ждать, мечтать и честно жить». И ответ прост: нужно верить в чудо, уметь его заметить и сделать его фактом своего внутреннего мира. Нарративный контекст повести расширяется: к конформисту Валерию, деятельной Кире и правдоискателю Климу добавляется автор, прошедший уже все стадии этого политического взросления и через метафору «неотвратимости весны» видящий неотвратимость возвращения человека к духовности, душе, миру внутреннему:

*И так я верю в это чудо,
Так я хочу его найти,
Что каждый день, наверно, буду
В сугроб сворачивать с пути.
Я верю! Хоть нельзя проверить,
Найти и к сердцу приложить.
Мне просто нужно в это верить,
Чтоб ждать, мечтать и честно жить...*

[Казакова, 1958, с. 51].

Повести Л.Д. Ржевского – почти всегда «маленькие романы». Небольшие по объему тексты идеальны в своей классической архитектонике, в них всегда, наряду с основными, действуют значимые второстепенные персонажи, всегда развиваются несколько сюжетных линий, а способности характеристики героев и создания эксплицитного и имплицитного уровней текста поражают своим многообразием. По мере кристаллизации кульминационного ядра повести (поступок Киры – размещение

на информационном стенде информации о Будапештских событиях, почерпнутой из «Голоса») в оформлении интертекста повести «Паренек из Москвы» вступают и a true-life hero второго плана, например, комсорг Борис Бычко, который, волею судьбы, приблизился к разгадке того, что к распространению альтернативной информации о Будапештских событиях причастны «кирики» Кира, Клим и Валерий. Интертекстуальная метафора строится автором на описании курьезного случая из жизни Бычко, который *как-то на вечеринке, где было трое хорошеньких девочек, поднес одной яблоко и сказал, что это «Борисов суд» вместо «Парисов»* [Ржевский, 2005, с. 25]. Метафора имеет двойную литературно-мифологическую ориентацию: первая – миф о суде Париса, вторая – басня А.П. Сумарокова «Парисов суд», написанная по мотивам мифа. Квазиомофон «Борисов/Парисов = Борис/Парис» создает игру слов с трагическим финалом в обеих ситуациях: «Парисов суд» закончился Троянской войной, «Борисов суд» – оргвыводами для троих «кириков».

Интертекст в повести имеет композиционную обусловленность. Автор цитирует А. Барто: *Лешенька, Лешенька, сделай одолжение* [Барто, 1981, с. 56], и с этого образа маленького иждивенца в речи партидера института Тесемкина возникает тема «демагогического свободолюбия», что для него является синонимом распущенности, анархии и хулиганства. Коммуникативно-идеологическое противостояние не подается в диалогах (диалоги с властью были в то время неуместны), но в особом риторическом постфактуме, осмыслении ситуации и подведении ее итогов в пересказе. Так пересказывавший выступление Тесемкина Валерий подытоживает и свои рассуждения по этому вопросу, приписывая Бертрану Расселу определение свободы как «права для всех быть “иного мнения”», тут же предлагая совершенно нетипичную для советского литературоведения трактовку «Баллады о гвоздях» Н. Тихонова [Тихонов, 1925]. Как и с Расселом, прямой цитаты автор не приводит, ограничиваясь интерпретацией: *Человек – гвоздь, – помните об этом у Тихонова? И значит, ложись покорно под молот, и пусть тебя расплющит* [Ржевский, 2005, с. 30].

Интертекст на уровне цитирования создается в произведении Л.Д. Ржевского самыми разными способами. По мнению В.Л. Лехциера, «Рассказ есть настоящая аксиологическая машина, повсеместно и непрерывно работающая в культуре и производящая значимую реальность» [Лехциер, 2013]. Некоторые из этих способов – весьма неординарные, и по содержанию, и по форме. Автор, как и А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин», делает героем интертекста самого себя, создавая автонарратив. В поле интертекста повести Л.Д. Ржевского попадает и его супруга, поэтесса Аглая Шишкова: *Валерий пошел*

вслед автобусу, навстречу ветру, пригнув голову, чтобы не дуло в шею, и отыскивая какие-нибудь «нейтральные» мысли, чтобы не думать пока о главном. Снежные хлопья стали теперь еще гуще, мгновенно покрыли грудь, залепляли ресницы...

*...И падал снег. И много, много
Неслось снежинок мне в лицо.*

– вспомнились строчки откуда-то – чьи, он не знал, забыл и остальные две и стал сейчас припоминать с напряжением. Рифма к «лицо» могла быть «крыльцо» или «кольцо». Нет, «крыльцо» вряд ли, «кольцо» скорее. Но как же читается вся строфа?.. [Ржевский, 2005, с. 32]. Валерий вспоминает стихотворение Аглаи Сергеевны Шишковой (Суражевской) (1923–1998) «Зима. Шоссе. Асфальт разбитый...» из сборника «Чужедаль», вышедшего во франкфуртском издательстве «Posev Verlag» в 1953 г. [Шишкова, 1953]. Автор мистифицирует читателя: эта книга не могла входить в круг чтения советской молодежи даже начала «оттепели», поэтому в образ Валерия явно вкладывается когнитивная парадигматика самого Л.Д. Ржевского, что как раз и составляет автонарративный поворот текста.

Ближе к финалу автор вновь обращается к Пушкину, символический подтекст стихотворений которого дает возможность множества интертекстуальных интерпретаций. Цитируется отрывок «Из Пиндемонти»:

*...для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там...
Вот счастье! Вот права!*

[Пушкин, 1959, с. 455]

И это, на самом деле, важно для автора, хотя он и осознает, что «вялость воли и духа» – типичная черта западного равнодушного мира, чуждого страстям и личностно-политическим противостояниям с «не позволим!», происходящим в СССР.

На формальном уровне прозу Л.Д. Ржевского отличает удивительная аккуратность и законченность. Это же происходит и на уровне интертекста. Писатель формирует уникальную кольцевую композицию цитат, идейно оформляя и интертекстуальное пространство повести. Последняя цитата «Паренька из Москвы», как и первая, из «Русалки», только на этот раз из одноименной драматической поэмы А.С. Пушкина [Пушкин, 19606]. *Ступай, голубушка, куда захочешь, люби, кого замыслишь...* – еще одна грань свободы. Только она не всегда мила русскому человеку.

Интертекстуальный фон повести широк и разнообразен. Помимо использования свыше 20 цитат и квазичитат, в повести упомянуты более 10 культурных констант XIX и XX вв. Среди них художники Рембрандт, И. Левитан, Н. Ге, писатели В. Дудинцев, С. Бабаевский, А. Герцен, А. Радищев, Т. Ацел, В. Гюго, композитор М. Мусоргский, политики В. Ленин, И. Надь, Я. Кадар, другие известные персоны.

В повести упоминается выставка Рембрандта в Музее изобразительных искусств в связи с 350-летием художника, прошедшая в июле 1956 г. Левитановский пейзаж наблюдают путешествующие в «Победе» друзья: *Впереди над дальним, узким, как бархотка, концом большака висел дымно-красный слоеный закат. Прямо Левитан!* – сказала Кира [Ржевский, 2005, с. 7]. Картина Н. Ге «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871) упоминается в связи с откровенным разговором заместителя министра со своим сыном Валерием о «ересях» последнего [Ржевский, 2005, с. 28].

Художественные образы и ассоциации помогают Л.Д. Ржевскому сделать повествование более интеллектуально насыщенным, возможно, в этом плане ориентиром для него является проза В.В. Набокова и его творческий диалог с И.А. Буниним. Писатель В.Д. Дудинцев упоминается как представитель новой, альтернативной, честной литературы в закосневшем мире «запретительного реализма». В данном случае имеется в виду вышедший в 1956 г. роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым». Это дает возможность героям повести Л.Д. Ржевского рассуждать об особенностях доминирующего в СССР творческого метода: *Что такое «социалистический реализм», о котором мы столько толкуем, все вокруг да около, не по существу? Это реализм запретительный. Не важно, в конце концов, о чем и как, важно – чего нельзя ни под каким соусом. Чего нельзя – это и есть правда, а писать, значит, воленс-воленс разрешается только ложь.*

– А Дудинцев, например? Написал же правду?

– Что ж, по головке его не погладят [Ржевский, 2005, с. 6].

Для характеристики образа профессора Тесемкина, руководителя партбюро, используется целый ряд «маркеров эпохи»:

– Профессор Тесемкин? Года два всего, уж при мне секретарь партбюро факультета и читает «марксистскую эстетику».

– Интересно читает?

– Как сказать... Цитаты из Маркса-Энгельса-Ленина, немножко из Плеханова, осторожно, а остальное «от противного», то есть, что, скажем, Шиллер там или Шеллинг – это не эстетика, Кант – тоже не эстетика и реакционно, как и «искусство для искусства», эстетизм и прочие «измы» – у него их до черта... И только заикнешься насчет

«формы», сразу попал в формалисты. А между тем разве не ясно, что эстетическое значение имеет именно форма, которая включает содержание, потому что это есть «форма содержания», и, значит, исходить надо от «как», а если только от «что», то получается Бабаевский [Ржевский, 2005, с. 9]. Также как и В.Д. Дудинцев, С.П. Бабаевский в повести Л.Д. Ржевского – лишь интеллектуальный фон, средство характеристики эпохи. Автор имеет в виду романы С.П. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», за которые писатель удостоен Сталинских премий, а в идейном смысле штриховые образы В. Дудинцева и С. Бабаевского в повести антиномичны.

Герцен, Радищев и декабристы упоминаются в контексте их дворянского происхождения, для народа они «руководящие», как и путешественники на «Побед», и это отсылает читателя к известному тезису В.И. Ленина из статьи «Памяти Герцена»: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен начал революционную агитацию» [Ленин, 1967].

Ироническая коннотация сопровождает интертекст, созданный упоминанием романа В. Гюго «Человек, который смеется», но это нарративная ирония, сродни гоголевскому «смеху сквозь слезы» [Гоголь, 1959]. А вот единственное упоминание венгерского писателя Томаша Ацела, сторонника Венгерской революции и политического эмигранта, сопрягает эмигрантские судьбы целых поколений – старшего (нарратора), среднего (Ацела) и молодого (Валерия, еще одного нарратора этого повествования). При этом имплицитность повествования тем сильнее, что предполагается, что все знают о судьбе революционера, лауреата Сталинской премии (как и С.П. Бабаевский), в 1956 г. выбравшего для жительства Лондон, как в свое время Герцен.

Образ композитора М.П. Мусоргского заменяет описание колоритного старика, у которого нашли приют путешественники на «Побед». Автор предлагает нам интертекст высшей интеллектуальной пробы, когда ассоциации читателя связываются не собственно с упоминаемым именем, а с известной картиной – портретом М.П. Мусоргского, написанным И.Е. Репиным (чье имя даже не упоминается в тексте). «Поразительны эти ... глаза... с их одновременно каким-то отсутствующе задумчивым выражением. В задумчивой печали одутловатого от болезни лица заключено богатое содержание и глубокая человечность» [Федоров-Давыдов, 1989, с. 42]. Вот описание портрета, которое Л.Д. Ржевский дополняет опосредованной характеристикой героя в диалоге:

– Похож на Мусоргского, – шепнула Валерию Кира. – Только борода подлиннее. И старше, наверное...

– *Шестьдесят!* – ухитрился расслышать старик. – *Трех войн участник, в последнюю – до Берлина дошел, медаль имею...* [Ржевский, 2005, с. 7].

Образ В. Ленина тоже нашел в повести портретно-описательное применение: *Говорил Тесемкин броско, с нажимом, слегка сбывчив голову с запавшим подлобьем и лишь изредка разрешая себе в конце фраз митинговые протяжные интонации. «Под Ленина, – подумал Валерий, – впрочем, так же говорит он и на лекциях. А фразы все понабрал из газет. Удастся ему этим отделаться»* [Там же, с. 18]. Интертекст создается и здесь тоном описания Л.Д. Ржевского: в характеристиках «броско», «с нажимом», «сбывчив голову» явно видна маркированная оценочность.

Два упоминания об Имре Наде развивают идейно-содержательную антиномию повести: первое – это интерпретация позиции Надя в изложении Тесемкина:

– *Имре Надя оказался пособником контрреволюционных сил, – говорил Тесемкин; руки его, пружиня в локтях, все сильнее упирались в красную скатерть ладонями. – По просьбе народного правительства Венгрии правительство нашей страны дало согласие на ввод советских военных частей, чтобы помочь венгерской народной армии...* [Там же]. Второе – цитата из «Голоса»: *Воззвание Имре Нады, в котором он умоляет советских солдат и офицеров не стрелять в народ, остается без ответа. На улицах Будапешта льется кровь венгерских патриотов... гау-гау... Радио «Петефи» передает обращение венгерских писателей ко всему миру о помощи... Гау-гау-гау...* [Ржевский, 2005, с. 23]. Междометия заглушки добавляют печальную иронию в этот и без того далеко не радостный текст, распространяя интертекст уже на уровне создания настроения, переживания, ассоциации.

Вместе с тем едкий иронический пассаж о Я. Кадаре ставит иронию в повести на уровень художественного приема, подлежащего отдельному исследованию: *В Венгрии, я слышал, шутят, что кто найдет в народе хотя бы одного сторонника Кадара, тому выдадут премию, – сказал Клим* [Там же, с. 21]. Сейчас это имя также является интертекстуальной принадлежностью повести, хотя в XX в. было широко известно, поскольку Янош Кадар руководил Венгрией в течение 31 года. Время, о котором идет речь в повести Л.Д. Ржевского, – это начало лидерского пути Я. Кадара, сделавшего свой выбор в пользу усиления просоветского режима в стране.

Во вступлении к повести автор очерчивает круг вопросов, интересующих эмигрантское сообщество: *Популярен ли Хрущев среди студенчества, почему в Москве модельная обувь? Про венгерские события... – их*

штук десять, вопросов, всегда одинаковых, я знаю уже их наизусть, – говорит Валерий автору [Ржевский, 2005, с. 3]. И ни вступление, ни название повести, ни даже первая микроромановелла «Трое в «Победе»» никак не намекают, что речь пойдет именно о третьем – о Будапештских событиях 1956 г. Это еще одна черта имплицитного повествования Л.Д. Ржевского, проявляющаяся и на композиционном уровне.

Так интертекст в повести «Паренек из Москвы» становится для писателя актуальным приемом художественно-смысловой и контекстуальной игры, того, что исследователи называют «осознанной полисемией, внутренней диалогичностью создаваемого текста» [Бычков, 2004, с. 277]. Интертекст создает полифонические уровни художественной структуры, задавая многомерность читательского восприятия.

Библиографический список / References

Агеносов, 1998 – Агеносов В.В. Литература Russkogo zarubezh'ya. М., 1998. [Agenosov V.V. Literatura Russkogo zarubezh'ya [Russian Literature Abroad]. Moscow, 1998.]

Барто, 1981 – Барто А. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. М., 1981. [Barto A. Sobranie sochinenii v 4 tomakh [Collected works in 4 vol.] Vol. 2. Moscow, 1982.]

Бычков, 2004 – Бычков В.В. Эстетика: Учебник. М., 2004. [Bychkov V.V. Estetika [Aesthetics]. Moscow, 2004.]

Гёте, 2006 – Гёте И. Фауст / Пер. Н. Холодковского. М., 2006. [Goethe I. Faust. Trans. N. Cholodkovskii. Moscow, 2006.]

Гоголь, 1959 – Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 1959. [Gogol' N.V. Mertvye dushi [Dead Souls]. Gogol' N.V. Sobranie sochinenii v 6 tomakh. Vol. 5. Moscow, 1959.]

Горький, 1969 – Горький М. Полн. собр. соч. в 25 т. Т. 19. Пьесы. М., 1969. [Gor'kii M. Polnoe sobranie sochinenii v 25 tomakh. Vol. 19. P'sy [Works in 4 vol. Vol. 19. Pieces]. Moscow, 1969.]

Даргомыжский – Даргомыжский А. Все мне на память приводит былое (каватина князя из оперы «Русалка»). URL: <http://libretto-oper.ru/dargomyzsky/rusalka> (дата обращения: 17.05.2016). [Dargomyzhskii A. Vse mne na pamyat' privodit byloe (kavatina knyazyza iz opery «Rusalka») [Duke's cavatina from “Rusalka” opera]. URL: <http://libretto-oper.ru/dargomyzsky/rusalka>.]

Казакова, 1958 – Казакова Р. Подснежник // Казакова Р. Встретимся на востоке. Хабаровск, 1958. С. 50–51. [Kazakova R. Podsnezhnik [Snowdrop]. Kazakova R. Vstretimsya na vostokey. Khabarovsk, 1958. Pp. 50–51.]

Книга о вкусной и здоровой пище / Под ред. проф. О.П. Молчанова. М., 1952. [Kniga o vkusnoi i zdorovoi pishche [The book of tasty and healthy food]. Ed. prof. O.P. Molchanov. Moscow, 1952.]

Коновалов, 2004 – Коновалов А.А. Художественный мир Л.Д. Ржевского: проблемы поэтики и эстетики. М., 2004. [Konovalov A.A. Khudozhestvennyi mir L.D. Rzhhevskogo: problemy poetiki i estetiki [Art world of L.D. Rzhhevsky: problems of poetics and aesthetics]. Moscow, 2004.]

Коновалов, 2013 – Коновалов А.А. «Текст в тексте» как композиционный прием и культурный код в произведениях Л.Д. Ржевского // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология» (1). 2013. № 4. С. 59–65. [Konovalov A.A. «The text of the text» as a compositional device, and cultural code in the works of L.D. Rzhevsky. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2013. № 4. Pp. 59–65.]

Комуцци Л.В. Ритм как принцип концептуальной организации нарратива // Narratorium. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633112> (дата обращения: 13.06.2016). [Komutstsi L.V. Rhythm as the principle of conceptual organization of narrative. *Narratorium*. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633112>.]

Кулаева О.А. Эксплицитность и имплицитность высказывания // Вестник. Наука и практика. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/806> (дата обращения: 17.05.2016). [Kulaeva O.A. Explicit and implicit statements. *Vestnik. Nauka i praktika*. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/806>.]

Ленин, 1967 – Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. М., 1967. С. 255–262. [Lenin V.I. Pamyati Gertsena [In Memory of Herzen]. *Lenin V.I. Complete set of works*. Is. 5. Vol. 21. Moscow, 1967. Pp. 255–262.]

Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 5–8. [Lehtsier V.L. The narrative turn and the relevance of narrative intelligence. *International Journal of Cultural Studies*. 2013. № 1(10). Pp. 5–8.]

Пастернак, 2003 – Пастернак Б.Л. Гамлет // Пастернак Б.Л. Полн. собр. стихотворений и поэм / Вступ. ст. В.Н. Альфонсова; сост., подготовка текста, примеч. Е.В. Пастернак и В.С. Баевского. СПб., 2003. С. 123. [Pasternak B. Hamlet. *Pasternak B. Polnoe sobranie stihotvorenij i poem*. Introductory article V.N. Al'fonsov; comp., preparation of the text example E.V. Pasternak, V.S. Baevskij. P. 123. St. Petersburg, 2003.]

Петефи, 1963 – Петефи Ш. Венгерец я... // Петефи Ш. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. Будапешт, 1963. С. 418. [Petofi S. Hungarian Gam ... *Petofi S. Sobranie sochinenij v 3 tomah*. Vol. 1. Budapest, 1963. P. 418.]

Пушкин, 1959 – Пушкин А.С. Из Пиндемонта // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова и Ю.Г. Оксмана. Т. 2. М., 1959. С. 455. [Pushkin A.S. Of Pindemonti. *Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v 10 tomah*. D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Ju.G. Oksman (eds.). Vol. 4. Moscow, 1960. P. 455.]

Пушкин, 1960а – Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова и Ю.Г. Оксмана. Т. 4. М., 1960. С. 5–200. [Pushkin A.S. Eugene Onegin. *Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v 10 tomah*. D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Ju.G. Oksman (eds.). Vol. 4. Moscow, 1960. Pp. 5–200.]

Пушкин, 1960б – Пушкин А.С. Русалка // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова и Ю.Г. Оксмана. Т. 4. М., 1960. С. 383–410. [Pushkin A.S. Mermaid. *Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v 10 tomah*. D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Ju.G. Oksman (eds.). Vol. 4. Moscow, 1960. Pp. 383–410.]

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди,

В.В. Виноградова и Ю.Г. Оксмана. Т. 6. М., 1962. С. 15. [Pushkin A.S. Excerpts from letters, thoughts and comments. *Pushkin A.S. Sobranie sochinenij v 10 tomah*. D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Ju.G. Oksman (eds.). Vol. 6. Moscow, 1962. P. 15.]

Ржевский, 2005 – Ржевский Л.Д. Паренек из Москвы // Новая Юность. 2005. № 4 (73). [Rzhevskij L.D. The boy from Moscow. *Novaja Junost'*. 2005. № 4 (73).]

Ржевский, 1970 – Ржевский Л.Д. Прочтенье творческого слова. Литературоведческие проблемы и анализы. Нью-Йорк, 1970. [Rzhevskij L.D. Prochten'e tvorcheskogo slova. *Literaturovedcheskie problemy i analyzy* [Reading of the creative word. Literary challenges and analysis.]. New York, 1970.]

Трубина, 1999 – Трубина Л.А. Русский человек на «сквозняке» истории: Историческое сознание в русской литературе первой трети XX в. Типология. Поэтика. М., 1999. [Trubina L.A. Russkij chelovek na «skvoznjake» istorii: Istoricheskoe soznanie v russkoj literature pervoj treti 20 v. Tipologija. Pojetika [Russian man in the «drafts» of history: Historical consciousness in the Russian literature of the first third of the XX century. Typology. Poetics]. Moscow, 1999.]

Тихонов, 1925 – Тихонов Н. Баллада о гвоздях // Тихонов Н. Двенадцать баллад. Л., 1925. [Tihonov N. Ballad on nails. *Tihonov N. Dvenadcat' ballad*. Leningrad, 1925.]

Толстой, 1981 – Толстой А.К. Ты знаешь край, где все обильем дышит... // Толстой А.К. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения. М., 1981. [Tolstoy A.K. Do you know the land where the diversity of breathing ... *Tolstoy A.K. Sochinenija v 2 tomah*. Vol. 1. Stihotvoreniija. Moscow, 1981.]

Федоров-Давыдов, 1989 – Федоров-Давыдов А.А. И.Е. Репин. М., 1989. С. 42. [Fedorov-Davydov A.A. I.E. Repin. Moscow, 1989. P. 42.]

Финкель, 1990 – Финкель А. Рязанские лощины, коломенская грусть // Паперная Э.С., Розенберг А.Г., Финкель А.М. Парнас дыбом (литературные пародии). М., 1990. [Finkel' A. Ryazan Hollow, Kolomna sadness. *Papernaya E.S., Rozenberg A.G., Finkel' A.M. Parnas dybom (literaturnye parodii)*. Moscow, 1990.]

Шишкова, 1953 – Шишкова А. Зима. Шоссе. Асфальт разбитый... // Шишкова А. Чужедаль. Франкфурт-на-Майне, 1953. С. 10. [Shishkova A. Winter. Highway. Asphalt is broken ... *Shishkova A. Chuzhedal'*. Frankfurt am Main, 1953. P. 10.]

Статья поступила в редакцию 20.05.2016.

The article was received on 20.05.2016.

Коновалов Андрей Александрович – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Konovalev Andrey A. – PhD in Philology; Professor of the Department of Russian Literature of the Institute of Philology, Moscow State University of Education

E-mail: aakon@inbox.ru

М.И. Ионов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Москва, Россия;

Франкфуртский университет им. И.В. Гёте,
60325, Франкфурт-на-Майне, Германия

Автоматическое определение дискурсивного статуса референта именной группы

В статье предложен метод определения дискурсивного статуса референта именной группы на основе поверхностных признаков этой именной группы. Рассматривается ряд теоретически мотивированных признаков, по которым отличаются именные группы, соответствующие различным статусам референта, проводится два эксперимента по созданию детекторов дискурсивного статуса с использованием этих признаков. Показано, что достаточно простые поверхностные признаки могут улучшить качество таких детекторов по сравнению с простыми эвристиками. Также в статье проводится анализ вклада использованных признаков. Это, во-первых, дает возможность рассуждать о том, какие из этих признаков более полезны для автоматической классификации, а во-вторых, является экспериментальным анализом теоретических идей, на основе которых были выбраны эти признаки.

Ключевые слова: автоматическая обработка дискурса, разрешение кореферентности, определение упоминаний, машинное обучение.

M.I. Ionov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119234, Russia;
Goethe University Frankfurt, Frankfurt, 60325, Germany

Automatic detection of the discourse status of a referent of a noun phrase

In this paper, we propose a method to detect the discourse status of a referent of a noun phrase using shallow features of the noun phrase. We examine a number

of theoretically motivated features that allow to distinguish noun phrases with different discourse statuses of their referents. We describe two experiments of applying those features to create discourse status detectors. We show that even the simplest features outperform the heuristic baseline. Also, we analyse the feature importances for the features that we use. This allows us to get the subset of features that are most useful for the classification and to test the theoretical hypotheses that lead to using these features.

Key words: discourse processing, coreference resolution, mention detection, machine learning

1. Дискурсивный статус референта именной группы

Референты, упоминаемые в дискурсе, различаются с точки зрения их значения для участников дискурса. В то время как одним отводится главная или, по крайней мере, достаточно важная роль, и они упоминаются на протяжении всего дискурса или его фрагмента, другие упоминаются лишь однажды. Референты, упомянутые более одного раза, в некоторый момент вводятся в дискурс впервые, а все последующие упоминания являются повторными.

Именные группы (ИГ), употребляющиеся в этих трех ситуациях, соответствуют разным дискурсивным статусам их референтов. ИГ, соответствующая референту, который упоминается в дискурсе всего один раз, будем называть *синглтоном*¹. Роль таких упоминаний в дискурсе незначительна, и в намерения говорящего не входит обратить внимание слушающего на такие ИГ. Среди упоминаний других референтов различают первое (интродуктивное) упоминание и повторные. Первое упоминание вводит новый (важный) референт в дискурс, и в намерения говорящего входит обратить на него внимание слушающего.

Понятие дискурсивного статуса, вообще говоря, несколько размыто, и точное определение зависит от формализма, описывающего устройство дискурса. Для того чтобы исследование не зависело от конкретных теорий дискурсивного анализа, это понятие применяется здесь достаточно абстрактно – под ним подразумевается мера «важности» референта для дискурса в момент употребления некоторой ИГ. Рассматривается дискретная шкала с тремя значениями: синглтон, первое упоминание и повторное упоминание.

В (1) приведены примеры из [Толдова, Сердобольская, 2002, с. 512, (15б-в)], в которых встречаются все три статуса:

¹ Термин *singleton* широко применяется в англоязычной литературе, см., например, [Recasens, Marneffede, Potts, 2013].

- (1) а. *Он протянул руку, и на его ладони мы увидели ярко сверкающий голубой камень величиной чуть поменьше горошины. Он рассказал нам, что этот камень обладает удивительной силой.*
- б. *Он кинул в собаку камень, и та отскочила в сторону.*

В (1а) выделенные ИГ соответствуют первому и повторному упоминанию референта. Форма ИГ, использованного для первого упоминания, передает важность референта для последующего дискурса. Выделенная ИГ в (1б) – сингтон, и по ее форме можно предсказать, что соответствующий ей референт не имеет большой роли для последующего дискурса.

Зависимость формы ИГ от ее дискурсивного статуса широко исследовалось в теоретической науке. Так, например, иерархия доступности М. Ариэль показывает соответствие поверхностной формы и важности ИГ для некоторого фрагмента дискурса [Ariel, 1990]. Другие исследования, изучающие зависимость формы ИГ и статуса референта в дискурсе, представлены в работах [Givón, 1983; Kibrik et al., 2012; Prince, 1992]. Факторы, влияющие на форму ИГ в русском языке, исследованы в работах Н. Арутюновой, А. Бонч-Осмоловской, В. Клинцева, С. Толдовой [Толдова, 1994; Арутюнова, 1980; Бонч-Осмоловская, Толдова, Клинцов, 2012], основные результаты этих исследований описаны в следующем разделе.

Если форма ИГ действительно зависит от дискурсивного статуса, то знание этого статуса должно положительно влиять на ряд задач автоматической обработки текста: разрешение кореферентных связей, выделение важных участников в тексте и некоторые другие. Так, например, задача разрешения кореферентности, т.е. группировка ИГ в тексте в соответствии с их референтами так, чтобы каждому референту соответствовала одна группа, значительно упрощается, если для каждой ИГ известен дискурсивный статус ее референта. Так, если ИГ – сингтон, то она не может быть кореферентной какой-либо другой группе. Если же ИГ – первое упоминание, то, очевидным образом, у нее не должно быть антецедента, т.е. кореферентной ей группы в предшествующем дискурсе.

Основной целью настоящего исследования является создание детекторов дискурсивного статуса и проверка гипотез о связи между конкретными поверхностными свойствами ИГ и ее дискурсивным статусом.

Помимо практического значения, заключающегося в создании детекторов дискурсивного статуса, настоящее исследование имеет и теоретическое значение, т.к. позволяет проверить вклад теоретически обоснованных признаков и ранжировать их в соответствии с их вкладом в задачу определения дискурсивного статуса.

В следующем разделе описываются свойства именных групп, коррелирующие с их дискурсивным статусом, предложенные в рамках теоретических подходов к дискурсивному анализу.

2. Свойства именных групп с различным дискурсивным статусом

2.1. Свойства интродуктивных номинаций

Для артиклевых языков ИГ, которые вводят новый референт в дискурс, обычно связывают с употреблением неопределенного артикля. Несмотря на справедливость этого наблюдения в целом, корпусные исследования интродуктивной номинации на материале английского языка свидетельствуют о том, что такие ИГ используются с определенным артиклем в 52% случаев [Poesio, Vieira, 1998]. В основном это случаи *discourse-new / hearer-old* в классификации Е. Принс [Prince, 1992], т.е. случаи, когда референт вводится в дискурс впервые, однако известен слушающему. Таким образом, задача определения первых упоминаний сводится к задаче классификации определенных ИГ.

В безартиклевых языках, в том числе – в русском, нет грамматикализованных маркеров определенности, и почти любая ИГ может вводить новый референт в дискурс. Тем не менее, в исследованиях интродуктивных номинаций выделяется целый ряд признаков, позволяющих отделить первые упоминания от повторных.

В работе Н. Арутюновой выделяются две важные особенности структуры первых упоминаний: длина ИГ (первые упоминания в среднем длиннее повторных) и количество предвершинных адъективных модификаторов (при первом упоминании их в среднем употребляется больше). Помимо этого, согласно исследованию, первые упоминания могут отличаться от повторных преобладанием оценочных и качественных прилагательных, а также наличием некоторых специальных конструкций, например, экзистенциальных [Арутюнова, 1980].

С.Ю. Толдова, А.А. Бонч-Осмоловская и В.П. Клинцов обобщают эти наблюдения, а также расширяют список признаков, выделяя особые лексические маркеры – альтераторы – свидетельствующие о смене фокуса внимания [Толдова, 1994; Бонч-Осмоловская, Толдова, Клинцов, 2012]. К этим маркерам относятся такие слова как *один, некий, подобный* и др.

На основе этих работ можно выделить ряд признаков¹, по которым можно отделить интродуктивные номинации от повторных.

¹ Приведенный список признаков не исчерпывающий и отражает только те признаки, которые были описаны в вышеуказанных работах. Полный список признаков, использованных при создании детекторов, приведен в разделах 3.2 и 3.3.

1. Отсутствие в предшествующем дискурсе совпадающей ИГ или вершины ИГ: ИГ, которая встречалась в предшествующем дискурсе, вероятно, не является первым упоминанием.

2. Позиция ИГ в клаузе: первые упоминания чаще встречаются в конце клаузы.

3. Длина ИГ: первые упоминания в среднем длиннее повторных.

4. Количество адъективных модификаторов: первые упоминания в среднем содержат в составе больше адъективных модификаторов вершины.

5. Маркеры недоспецифицированности ИГ: некоторые существительные, являясь вершиной ИГ, свидетельствуют о высокой активированности референта. В числе таких существительных, например, *предмет, здание, существо, фигура* и подобные. В сочетании с некоторыми качественным прилагательным (*странный, таинственный, любопытный*) такие существительные с высокой степенью вероятности говорят о появлении нового референта.

6. Альтераторы: в пользу первого упоминания говорят входящие в состав ИГ специальные маркеры, свидетельствующие о смещении фокуса внимания:

- а) маркеры неопределенности референта: *один, некий*;
- б) маркеры несоответствия: *другой, иной*;
- в) схожесть с референтом: *такой, подобный, похожий*;
- г) выбор из множества: *один из*;
- е) порядковые маркеры: *первый из, второй, последний*.

Последние две группы достаточно редко встречаются в дискурсе, однако их наличие достаточно сильно коррелирует с интродуктивной номинацией.

2.2. Свойства синглтонов

Множество синглтонов в том виде, в котором мы их определили выше, неоднородно: оно включает в себя как именные группы, референты которых имеют незначительную роль в дискурсе, так и нереферентные ИГ, т.е. те, которые в принципе не могут быть кореферентными.

Признаки, необходимые для определения первой группы синглтонов, должны частично совпадать с признаками, перечисленными в предыдущем разделе. Так, наличие совпадающей ИГ в предыдущем дискурсе в большой степени вероятности говорит о том, что эта именная группа является частью кореферентной цепочки (за исключением личных местоимений 3-го лица), и, следовательно, не является синглтоном. Длина ИГ и количество модификаторов также должны коррелировать

с тем, является ли именная группа синглотном: ожидается, что такие ИГ не будут иметь большого количества модификаторов.

Помимо этого, важным признаком является синтаксическая роль ИГ: согласно иерархии доступности М. Ариэль, аргументные позиции соответствуют очень высокой степени активации в дискурсе [Ariel, 1990], поэтому, скорее всего, ИГ, которые их занимают, не будут синглотнами. Дополнительным признаком из этой группы является генитивное оформление ИГ, которое повышает вероятность того, что ИГ является синглотном.

Для нереферентных ИГ маркерами могут являться неопределенные местоименные модификаторы ИГ:

- 1) местоимения с семантикой свободного выбора (любой);
- 2) дистрибутивные квантификаторы (каждый);
- 3) отрицательные местоимения.

Следующий раздел посвящен описанию экспериментов по созданию детекторов дискурсивного статуса: описан корпус, который был использован для экспериментов, описаны сами эксперименты по применению выявленных признаков к определению дискурсивного статуса, приведены результаты и оценка вклада этих признаков к задаче.

3. Автоматическое определение дискурсивного статуса

3.1. Данные для экспериментов

Эксперименты, описанные в этом разделе¹, проводились на корпусе RuCor, корпусе текстов разных жанров на русском языке с кореферентной разметкой² [Toldova et al., 2014]. На момент проведения экспериментов корпус состоял из 180 текстов, в нем было выделено 3638 кореферентных цепочек, состоящих из 16 557 именных групп. Все тексты были предварительно разделены на предложения, токенизированы и автоматически размечены морфологическим анализатором с использованием комплекса утилит, разработанных С. Шаровым [Sharoff, Nivre, 2011]. Для выделения именных групп использовался чанкер, основанный на правилах [Ionov, Kutuzov, 2014].

Из корпуса было случайным образом выделено 70% именных групп, которые были использованы для анализа признаков и в качестве тренировочных данных для классификации. Остальные 30% были использованы в качестве тестовой выборки.

¹ Некоторые технические детали процесса подготовки корпуса и обучения классификаторов опущены для простоты. Для уточнения деталей и репликации экспериментов доступны тетради Jupyter Notebook: <https://github.com/max-ionov/rucoref/tree/master/notebooks>.

² Корпус доступен для скачивания по адресу: <http://rucoref.maimbava.net/>

В соответствии с принципами разметки в корпусе RuCog выделены только ИГ, формирующие кореферентные цепочки. Все остальные именные группы, найденные в текстах, мы считали синглтонами. Как уже было отмечено выше, это множество неоднородно: в нем есть как именные группы, которые в принципе не могут быть референтными, так и именные группы, референты которых не несут значительной роли для дискурса, в силу чего они упоминаются только один раз.

3.2. Определение синглтонов

Для определения синглтонов был разработан классификатор, который для каждой именной группы из тестовой выборки (т.е. для всех ИГ, не входящих в тренировочное множество) на основе поверхностных признаков выносил решение о том, является ли она синглтоном. Классификатор использует четыре группы признаков: строковые, структурные, лексические и (квази-)синтаксические, основой для которых послужили признаки, описанные в разделе 2.

3.2.1. Строковые признаки

В качестве строковых признаков используется количество вхождений как полной ИГ, так и ее вершины в предыдущем дискурсе¹. Как уже было замечено выше, наличие совпадающей ИГ в предыдущем дискурсе уменьшает вероятность того, что ИГ – синглтон. Распределение значений этих признаков на тренировочном множестве подтверждает эту гипотезу: доля синглтонов среди всех ИГ, которые не встречались до этого, значительно больше половины, при этом с ростом количества предыдущих вхождений доля референтных ИГ растет. На диаграммах 1 и 2 изображено это распределение для полных ИГ и вершин соответственно. На горизонтальной оси указано количество вхождений в предшествующем дискурсе, на вертикальной – доля от всех вхождений класса (например, от всех синглтонов). Для каждого значения приведено количество синглтонов (обозначены светло-серым цветом) и кореферентных ИГ (темно-серый цвет).

Среди других признаков этой группы – признаки, влияющие на важность ИГ для дискурса с точки зрения дискурсивных теорий: одушевленность ИГ, наличие в ИГ символов латинского алфавита (говорит о том, что это, скорее всего, имя собственное) и некоторые другие (полное перечисление далее в таблице 2).

¹ Заметим, что совпадение ИГ не обязательно означает кореферентность двух ИГ. Таким образом, если совпадающая ИГ уже встречалась в предшествующем дискурсе, точно такая же ИГ может быть синглтоном или первым упоминанием.

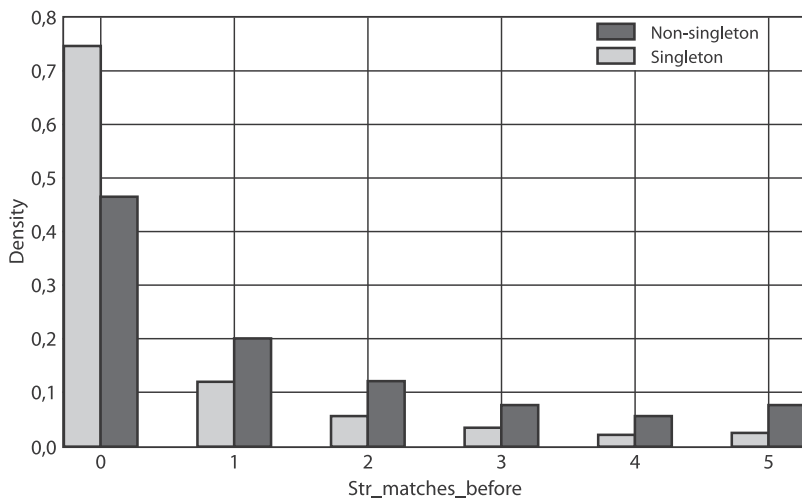

Рис. 1. Количество вхождений ИГ

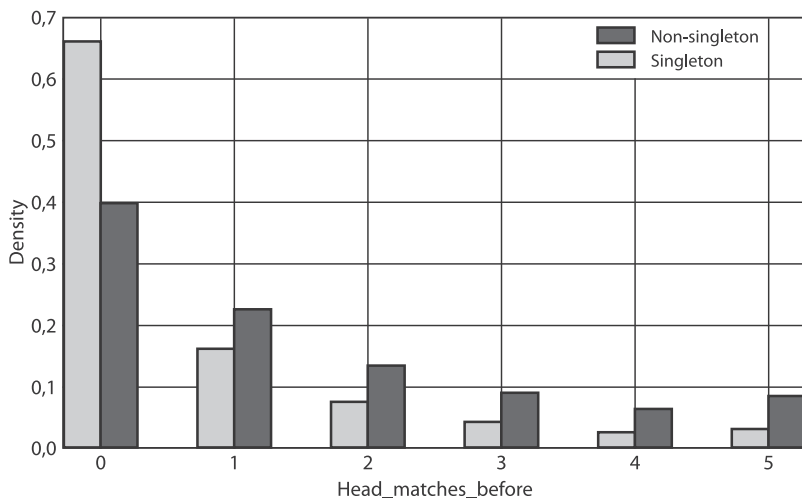

Рис. 2. Количество вхождений вершины ИГ

3.2.2. Структурные признаки

Эта группа состоит из двух признаков: длина ИГ и количество адъективных вершинных модификаторов. Как было сказано выше, эти признаки имеют теоретическую мотивацию, а распределение их значений подтверждает их применимость для задачи (рис. 3 и 4).

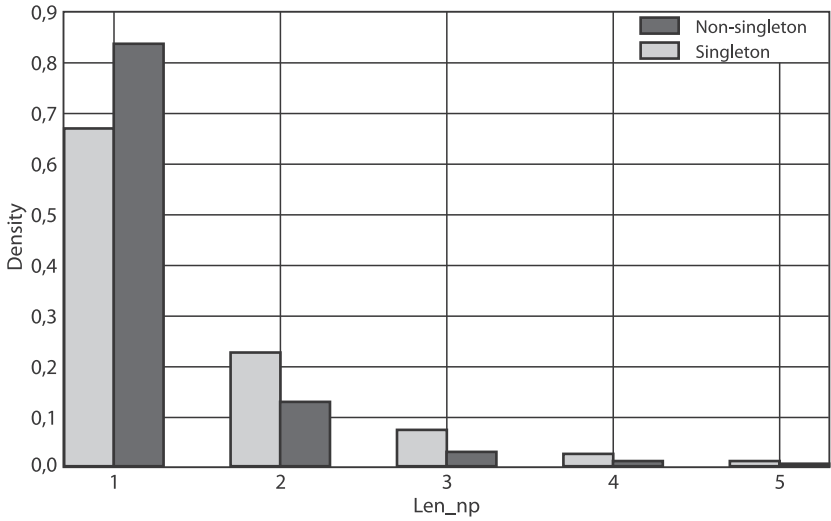

Рис. 3. Длина ИГ

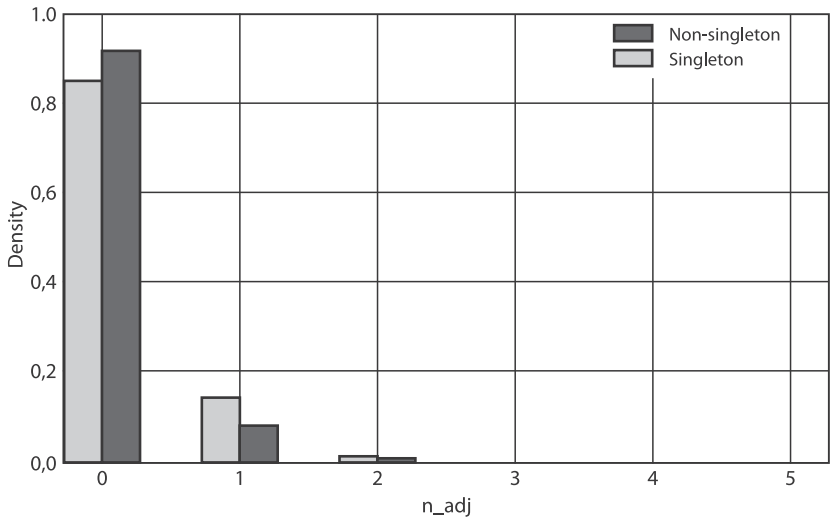

Рис. 4. Количество прилагательных

3.2.3. Лексические признаки

В качестве списков лексических маркеров для определения синглетов были использованы составленные вручную списки неопределенных, отрицательных и посессивных местоименных модификаторов.

Эти группы связаны с нереперентными употреблениями, и их нахождение в ИГ позволяет с высокой степенью вероятности говорить о том, что ИГ является синглетоном.

3.2.4. Синтаксические признаки

В силу невысокого качества доступных на момент эксперимента систем автоматического синтаксического анализа, для определения субъектной позиции была использована эвристика: субъектом мы условно считали ИГ в номинативе и/или в начале предложения (позиция ИГ в предложении была использована в силу большого количества ошибок морфологического разбора в корпусе). Прямым дополнением условно считалась ИГ в аккумулятиве.

В то время, как первая эвристика на этапе предварительных экспериментов показала хорошие результаты, вторая ухудшала качество системы, в первую очередь, в связи с большим количеством ошибок морфологического анализа и неправильного определения аккумулятива. В итоговом эксперименте вторая эвристика была отключена.

Другим синтаксическим признаком стал признак генитива у вершины ИГ. На рис. 5 показано распределение этого признака на тренировочной части корпуса. Можно заметить, что, хотя влияние этого признака, определенно, присутствует, оно не такое явное, как в случае с другими признаками.

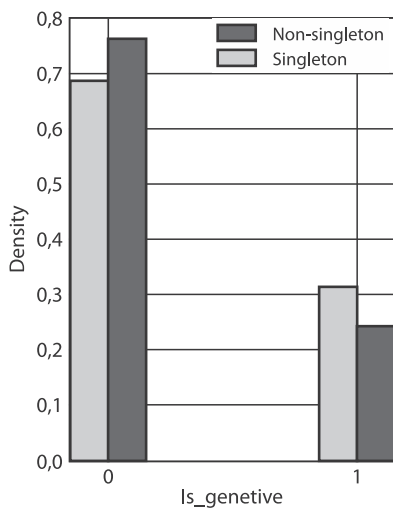

Рис. 5. Генитив вершины ИГ

3.2.5. Результаты

Результаты классификации для разных групп признаков представлены в таблице 1. В качестве базового уровня для оценки качества (*baseline*) была использована простая эвристика: ИГ считается синглтоном, если она не встречается в предшествующем дискурсе¹.

Таблица 1

**Результаты классификации синглтонов
(для миноритарного класса)**

	P	R	F1
Baseline	0,423	0,659	0,515
Строковые	0,463	0,736	0,569
Строковые + структурные	0,473	0,740	0,577
Строковые + структурные + списки	0,493	0,744	0,593
Все признаки	0,499	0,736	0,595

Несмотря на невысокий уровень результатов, даже использование одних только строковых признаков превосходит по качеству базовую эвристику, а добавление каждой следующей группы признаков улучшает качество.

Для оценки вклада признаков в результат была построена логистическая регрессия. Коэффициенты для каждого из признаков приведены в таблице 2. Признаки с положительными коэффициентами дают вклад в пользу того, что ИГ – синглтон, с отрицательными – наоборот.

Результаты выглядят вполне ожидаемыми. Наиболее значимые признаками являются форма именной группы (ИГ vs. местоимение), наличие в ИГ отрицательного местоимения и неопределенного местоимения. Так, если ИГ – местоимение, то с большой степенью вероятности это не синглтон. Если же в составе ИГ есть отрицательное местоимение (*никакой*), ИГ, скорее всего, не референтно никакой другой группе.

¹ Несмотря на очевидную некорректность такого определения (фактически любое первое упоминание считается в таком случае синглтоном), рис. 1 показывает, что более половины ИГ, не встреченных ранее, являются синглтонами.

Вклады признаков для классификации синглтонов

	Признаки	Вклад
<i>Строковые признаки</i>	Кол-во вхождений ИГ = 0	0,454
	Кол-во вхождений вершины = 0	0,793
	В ИГ есть латинские символы	-0,641
	ИГ – имя собственное	-0,281
	ИГ – одушевленная	-0,900
	ИГ – местоимение	-4,269
<i>Структурные признаки</i>	Длина ИГ = 1	-0,233
	$1 < \text{Длина ИГ} < 4$	0,255
	Длина ИГ ≥ 4	0,749
	Количество адъективных модификаторов ИГ = 0	0,497
	Количество адъективных модификаторов ≥ 2	-0,860
<i>Синтаксические признаки</i>	Вершина ИГ стоит в генитиве	0,065
	ИГ – субъект	-0,540
<i>Лексические маркеры</i>	У ИГ есть отрицательный местоименный модификатор	3,168
	У ИГ есть альтератор	0,819
	У ИГ есть посессивный модификатор	-0,808
	У ИГ есть неопределенный местоименный модификатор	1,815

3.3. Определение интродуктивных номинаций

Для детекции первых упоминаний был разработан классификатор, который для каждой ИГ, не являющейся синглтоном, выносил решение о том, является ли она первым или повторным упоминанием. В эксперименте, описанном в этой работе, синглтоны фильтровались

вручную, то есть на вход классификатору и для обучения, и для теста подавались только ИГ, у которых есть кореферентные связи.

Признаки, использованные для построения классификатора, можно разделить на три группы: строковые признаки, структурные признаки и лексические маркеры.

3.3.1. Строковые и структурные признаки

Наборы строковых и структурных признаков практически совпадают с соответствующими наборами, описанными в разделах 3.2.1 и 3.2.2. Полный список признаков приведен в таблице 4. Распределения признаков на тренировочном корпусе представлены на диаграммах (рис. 6–9).

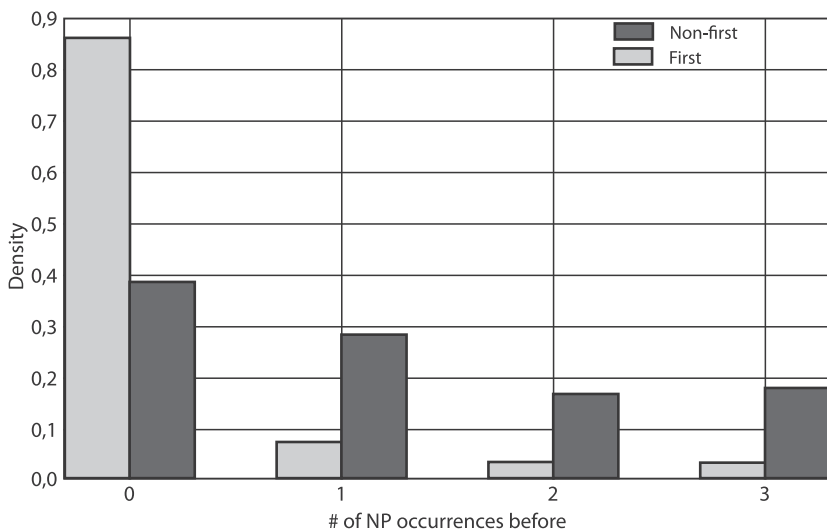

Рис. 6. Количество вхождений ИГ

3.3.2. Лексические признаки

В качестве набора лексических признаков были использованы вручную составленные группы маркеров, перечисленные в разделе 2.1:

- 1) наименования классов объектов: *здание, предмет* и др.;
- 2) прилагательные, вводящие новый референт: *современный, последний* и др.;
- 3) маркеры схожести и несовпадения референта: *другой, похожий* и др.;

4) маркеры, отсылающие к общим знаниям: *знаменитый, легендарный* и др.;

5) прилагательные, устанавливающие дискурсивную роль: *главный, небольшой* и др.;

6) маркеры субъективной оценки: *хороший, престижный* и др.

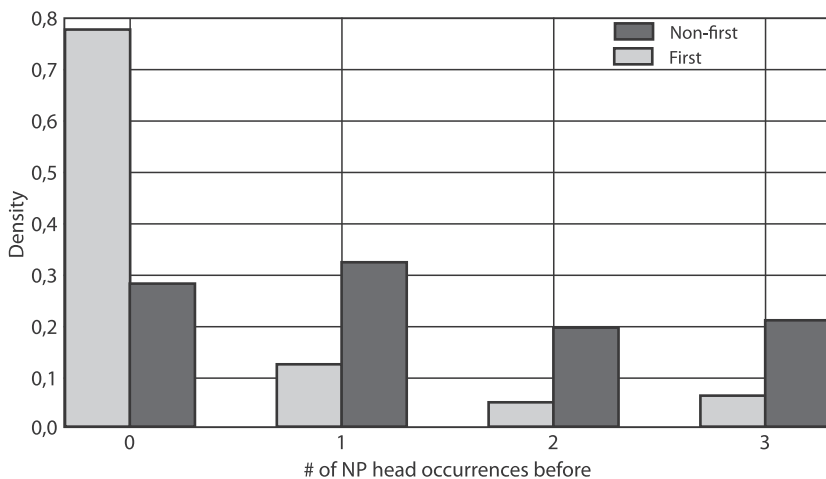

Рис. 7. Количество вхождений вершины

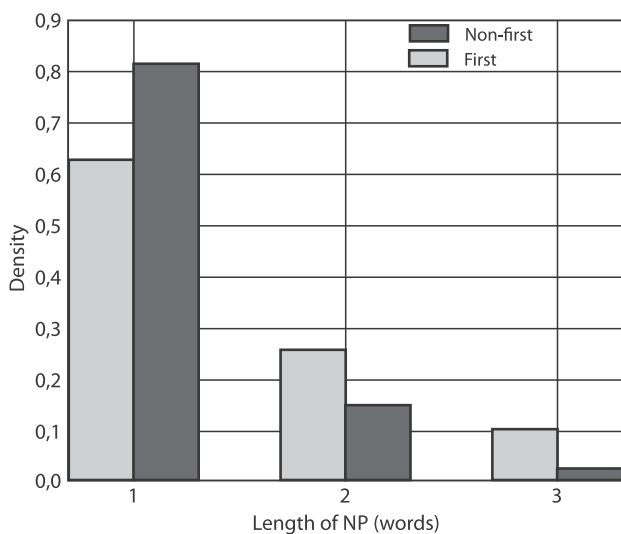

Рис. 8. Длина ИГ

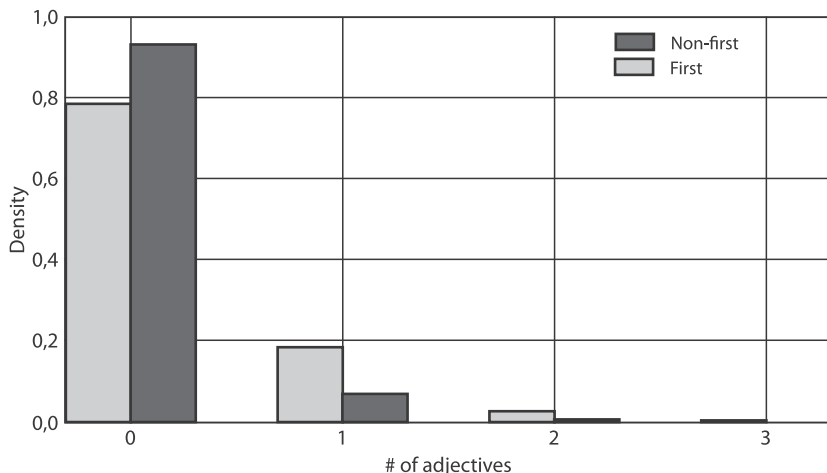

Рис. 9. Количество прилагательных

Несмотря на то, что маркеры, перечисленные в этих списках, позволяют определять интродуктивную номинацию с достаточно высокой точностью, их недостаточно много для существенного влияния на качество. Для решения этой проблемы было решено расширить набор лексических маркеров автоматически. В качестве пилотного эксперимента в этой области были извлечены список из 50 прилагательных, сильнее всего влияющих на результаты классификации.

Для этого был построен классификатор, отличающий первое упоминание от повторного, в качестве признаков которого были использованы факты наличия того или иного прилагательного в ИГ. Таким образом, признаковое пространство строилось в соответствии с моделью «мешка слов», но только с использованием прилагательных из обучающего корпуса. После обучения классификатора был применен процесс выделения наиболее важных признаков (*univariate feature selection*) по критерию χ^2 . Представляем 10 наиболее важных прилагательных из списка автоматически извлеченных лексических маркеров: *новый, радиоактивный, русский, первый, социальный, местный, собственный, глобальный, небольшой, региональный*.

Нетрудно заметить, что среди вручную и автоматически составленных списков есть пересечение (например, *новый, первый*), что позволяет предполагать, что такой способ действительно позволит расширить вручную составленные списки, а результаты можно будет интерпретировать и обосновать теоретически.

3.3.3. Результаты

Результаты классификации для разных групп признаков представлены в таблице 3. В качестве базового уровня (baseline) была использована такая же эвристика, как и в предыдущем эксперименте: ИГ считается первым упоминанием, если она не встречается в предшествующем дискурсе. Учитывая, что из тестовой выборки удалены синглтоны, такая базовая эвристика должна показывать достаточно хорошие результаты.

Таблица 3

**Результаты классификации первых упоминаний
(для миноритарного класса)**

	P	R	F1
Baseline	0,526	0,830	0,644
Строковые	0,533	0,827	0,649
Строковые + структурные	0,548	0,806	0,653
Строковые + структурные + списки	0,560	0,796	0,658

Согласно таблице 3, даже при использовании только строковых признаков качество превосходит базовую эвристику по точности и F-мере, в то же время уступая ей по полноте. Добавление дополнительных признаков продолжает эту тенденцию.

Как и в предыдущем эксперименте, была построена логистическая регрессия для оценки вклада признаков. Коэффициенты для каждого из признаков приведены в таблице 4. Признаки с положительными коэффициентами дают вклад в пользу того, что ИГ – первое упоминание, с отрицательными – повторное.

Результаты в таблице выглядят менее ожидаемо и менее последовательно, чем в предыдущем эксперименте. В первую очередь, увеличение количества адъективных модификаторов если и коррелирует с интродуктивностью ИГ, то нелинейно, т.к. ИГ с двумя и более модификаторами вероятнее будет повторным. Вклады ручных списков тоже не всегда очевидны. Эти вопросы требуют более подробного анализа в последующих исследованиях. В то же время вклад автоматически извлеченного списка прилагательных ожидаемый и при этом достаточно большой, что позволяет предположить, что развитие этого направления должно привести к улучшению результатов.

Таблица 4

Вклады признаков для классификации первых упоминаний

	Признак	Вклад
<i>Строковые признаки</i>	Кол-во вхождений ИГ = 0	1,136
	Кол-во вхождений вершины = 0	1,094
	В ИГ есть латинские символы	-0,367
	ИГ – имя собственное	-0,687
	ИГ состоит из символов верхнего регистра	-0,361
<i>Структурные признаки</i>	В ИГ есть союз	-0,147
	Длина ИГ < 2	-0,118
	Длина ИГ > 2	0,321
	Количество адъективных модификаций ИГ = 0	-0,465
	Количество адъективных модификаций ИГ > 0	-0,306
	Количество адъективных модификаций ИГ > 1	0,099
	Количество адъективных модификаций ИГ > 2	-0,830
<i>Лексические маркеры</i>	Маркер обращения к общим знаниям	-0,089
	Маркер нового референта	-0,741
	Маркер схожести / несовпадения	-0,261
	Маркер субъективной оценки	-0,764
	Маркер дискурсивной роли	-0,465
	У ИГ есть неопределенный местоименный модификатор	1,177
	Наименование класса объектов	1,107
	Наличие автоматически извлеченного модификатора	0,868

4. Заключение

В настоящей статье были выделены основные признаки, позволяющие определить дискурсивный статус референта именной группы, описаны эксперименты по построению классификаторов, определяющих

дискурсивный статус ИГ с использованием этих признаков, а также был проанализирован вклад каждого из этих признаков для обоих экспериментов.

Полученные классификаторы показали качество, превосходящее качество наивных эвристик, причем добавление дополнительных признаков привело к повышению качества, что свидетельствует о том, что по форме ИГ действительно можно определить дискурсивный статус ее референта.

При анализе вклада признаков, с одной стороны, были подтверждены некоторые теоретические ожидания: корреляция между длиной ИГ, наличием ряда лексических маркеров и ее статусом. В то же время, тенденция интродуктивных номинаций иметь большее количество адъективных модификаторов не нашла подтверждения, и этот факт требует дополнительного анализа. Предложенный способ по автоматическому поиску важных лексических маркеров, хотя также требует дополнительных исследований, даже на небольшом масштабе показал свою значимость.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1980 – Арутюнова Н. Номинация, референция, значение // Номинация: общие вопросы. М., 1980. [Arutyunova N. Nomination, reference, meaning. *Nominatsiya: obshchie voprosy*. М., 1980.]

Бонч-Осмоловская, Толдова, Клинецов, 2012 – Бонч-Осмоловская А.А., Толдова С.Ю., Клинецов В.П. Стратегии интродуктивной номинации в текстах СМИ // Электронное научное издание «Актуальные инновационные исследования: наука и практика». 2012. [Bonch-Osmolovskaya A.A., Toldova S.Yu., Klintsov V.P. Strategies for an introductive nomination in mass-media texts. *Elektronnoe nauchnoe izdanie «Aktual'nye innovatsionnye issledovaniya nauka i praktika»*. 2012.]

Кибрик и др., 2012 – Оптимизация модели референциального выбора, основанной на машинном обучении / Кибрик А. и др. // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. М., 2012. С. 237–246. [Optimization of a model of referential choice, based on machine learning. Kibrik A. et al. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Moscow, 2012. Pp. 237–246.]

Толдова, 1994 – Толдова С.Ю. Структура дискурса и механизм фокусирования как важные факторы выбора номинации объекта в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. [Toldova S.Yu. *Struktura diskursa i mekhanizm fokusirovaniya kak vazhnye faktory vybora nominatsii ob'ekta v tekste* [The structure of a discourse and a focusing mechanism as important factors for choosing an object for nomination in text]. PhD dis. Moscow, 1994.]

Толдова, Сердобольская, 2002 – Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // Труды международного семинара Диалог'2002. Т. 1. Теоретические проблемы / Под ред. А.С. Нариньяни. М., 2002. [Toldova S.Yu., Serdobol'skaya N.V. Speaker's intentions and referential properties of noun phrases. *Trudy mezhdunarodnogo seminarara Dialog'2002*. Vol. 1. Teoreticheskie problemy. A.S. Narin'yan (ed.). Moscow, 2002.]

- Ariel, 1990 – Ariel M. *Accessing Noun-Phrase Antecedents*. Routledge, 1990.
- Givón, 1983 – Givón T. *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam, 1983.
- Ionov, Kutuzov, 2014 – Ionov M., Kutuzov A. Influence of Morphology Processing Quality on Automated Anaphora Resolution for Russian. *Proceedings of the international conference Dialogue-2014*. Moscow, 2014.
- Poesio, Vieira, 1998 – Poesio M., Vieira R. A Corpus-based Investigation of Definite Description Use. *Comput. Linguist.* 1998. T. 24. № 2. Pp. 183–216.
- Prince, 1992 – Prince E.F. The ZPG letter: Subjects, definiteness, and information-status. *Discourse description: diverse analyses of a fund raising text*. 1992. Pp. 295–325.
- Recasens, de Marneffe, Potts, 2013 – Recasens M., Marneffe M.-C. de, Potts C. The Life and Death of Discourse Entities: Identifying Singleton Mentions. *Human Language Technologies: The 2013 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Stroudsburg, PA, 2013. Pp. 627–633.
- Sharoff, Nivre, 2011 – Sharoff S., Nivre J. The proper place of men and machines in language technology: Processing Russian without any linguistic knowledge. *Proc. Dialogue, Russian International Conference on Computational Linguistics*. Bekasovo, 2011.
- Toldova et al., 2014 – Coreference Corpus in Russian. Toldova S. et al. *Programme & Book of Abstracts. CILC 2014*. Las Palmas de Gran Canaria, 2014. Pp. 154–155.

Статья поступила в редакцию 12.10.2016

The article was received on 12.10.2016

Ионов Максим Игоревич – преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник лаборатории прикладной компьютерной лингвистики, Франкфуртский университет имени И.В. Гёте, Германия

Ionov Max I. – Lecturer at Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia; Research Assistant at Applied Computational Linguistics (ACoLi) lab, Goethe University Frankfurt (Goethe Universität Frankfurt), Germany

E-mail: max.ionov@gmail.com

В.М. Ковальская

ЗАО «Эвентос», 143006, Москва, Россия

Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия¹

Статья посвящена исследованию параметров словообразовательной конверсии и категории русского деепричастия как источника языковых единиц, подвергающихся конверсии строгого типа, не слишком характерной для русского языка. Параметры и их значения выявляются на основании многочисленных работ в области словообразования. Лексемы, образованные путем конверсии от деепричастных единиц, рассматриваются в сопоставлении со сведениями об их грамматикализации и лексикализации.

Ключевые слова: конверсия, строгая конверсия, параметры конверсии, русское деепричастие, русский язык.

V.M. Kovalskaya

ZAO «Eventos», Moscow, 143006, Russia

Parameters of derivational conversion and Russian adverbial participles²

This paper is concerned with the parameters of conversion on the one hand and the category of Russian adverbial participles on the other. The latter one represents a source of language units undergoing strict conversion, which is not typical for Russian. The parameters and their values are elaborated with consideration of various studies in derivation. Lexical units resulting from conversion of adverbial participles are also viewed from the perspective of grammaticalization and lexicalization.

Key words: conversion, strict conversion, parameters of conversion, Russian adverbial participle, Russian.

¹ Я благодарна Е.А. Лютиковой, разрешившей ряд моих сомнений на некоторых этапах исследования.

² I am grateful to E.A. Lyutikova for resolving a number of my doubts at some stages of the study.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Явление конверсии¹ как таковое не раз становилось объектом исследований в области морфологии и синтаксиса [Смирницкий, 1953; Кубрякова, 1974; Мельчук, 1995; Štekauer, 1996; Manova, 2005], а субстантивация, адъективизация и адвербиализация в той или иной степени приближения рассматриваются как в ранних работах по русистике [Востоков, 1863; Потебня, 1988; Пешковский, 1934; Виноградов, 1947], так и в более близких к современной лингвистике [Исаченко, 1954; Лопатин, 1967; Земская, 1973; Birzer, 2010]. Тем не менее, следует признать, что систематического описания параметров конверсии, комбинация значений которых позволяет исчислить ее типы, по крайней мере, для материала русского языка, не существует до сих пор.

В настоящей статье будут выявлены и представлены в виде таблицы параметры и типы конверсии. Особое внимание будет уделено русским деепричастиям, обнаруживающим существенный потенциал для строгой конверсии (т.е. с полным совпадением фонетического материала исходной и результирующей единиц), что нетипично для славянских языков с богатой словоизменительной морфологией и до сих пор не было описано с точки зрения конверсии как способа словообразования. Случаи закрепления русских деепричастий в новой категории исследовались в перспективе теории грамматикализации (переход в класс предлогов и союзов) и были рассмотрены как лексикализация (переход в наречия) в монографии С. Бирцер [Birzer, 2010]. Сопоставление синхронного наблюдения за деепричастными единицами, подвергшимися конверсии, а также грамматикализации и лексикализации, дает основание полагать, что (строгая) конверсия является одним из этапов на пути приобретения результирующими единицами более грамматических значений по сравнению с исходными, а также участвует в процессе пополнения словаря новыми лексемами, значение которых невыводимо из значения единиц, их производших.

1. Конверсия вообще и ее параметры

В самом общем виде, согласно определению Е.С. Кубряковой, под конверсией понимаются случаи словообразования, при которых к мотивирующей языковой единице не присоединяются аффиксы, имеющие

¹ В современной лингвистической терминологии существует два омонима *конверсия*, один из которых обозначает отношение, связывающее такие эквивалентные по смыслу, но отличные по грамматической структуре предложения, как «Пушкин победил Жуковского» и «Жуковский был побежден Пушкиным» (см., например, [Новиков, 1990, с. 234]); другой – способ словообразования, при котором не используются словообразовательные аффиксы.

материальное выражение, а результирующая единица принадлежит к новой категории [Кубрякова, 1990, с. 235]. Таким образом, примерами конверсии являются англ. *salt* ‘соль’ – *to salt* ‘солить’, *round* ‘круглый’ – *round* ‘вокруг’; нем. *leben* ‘жить’ – *das Leben* ‘жизнь’, *grün* ‘зеленый’ – *grünen* ‘зеленеть’; фр. *sourire* ‘улыбаться’ – *le sourire* ‘улыбка’, *pendant* ‘висячий’ – *le pendant* ‘подвеска’, венг. *vitéz* ‘витязь’ – *vitéz* ‘отважный’, осет. *зонын* ‘знать’ – *зонын* ‘знание’, рус. *добро* – *добрый*, *ходить* – *ход* (NB: усечение основы производящей единицы), *математика* – *математик*, *благодаря* (деепричастие) – *благодаря* (предлог). Что именно и насколько обязательно подразумевается под «неприсоединением аффикса» и «принадлежностью результирующей единицей к новой категории», а также насколько строго могут совпадать фонетические облики исходной и результирующей единицы, будет исследовано в терминах параметров конверсии и их значений.

1.1. Конверсия vs. нулевая аффиксация

Теоретически указанные случаи словообразования и подобные им могут рассматриваться либо как нулевая аффиксация (таким образом, аффикс, имеющий материальное выражение, не присоединяется, но присоединяется аффикс, имеющий нуль в качестве означающего), и тогда конверсия является разновидностью аффиксации: например, «в “безаффиксных” словообразовательных типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, то есть значимое отсутствие аффикса в основе» [Лопатин, 1966, с. 79] (ср. также [Marchand, 1967] и обсуждение в [Kastovsky, 2005]), либо как переход производящей языковой единицы в новый класс безаффиксным путем: в таком случае конверсия оказывается конкурирующим способом словообразования наряду с аффиксацией (ср. «переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи <...> в результате конверсии возникают словообразовательные значения, аналогичные наблюдаемым при аффиксации или близкие им» [Кубрякова, 1990, с. 235], а также анализ в [Dokulil, 1968]).

1.2. Параметры конверсии

Конституирующим параметром при подавляющем большинстве исследовательских позиций оказывается *смена языковой единицей, подвергающейся конверсии, словоизменительной парадигмы*, ср. «конверсия – это такой вид словообразования, при котором словообразовательным средством служит *только* сама парадигма слова»

[Смирницкий, 1953, с. 21]. При положительном значении соответствующего параметра наблюдаются прототипические случаи конверсии, которые также называют морфологической транспозицией [Гак, 1990, с. 519]: сюда относятся, например англ. *salt* ‘соль’ – *to salt* ‘солить’, фр. *pendant* ‘висячий’ – *le pendant* ‘подвеска’, рус. *золото* – *золотой*, *супруг* – *супруга*. Тем не менее, смены парадигмы может и не произойти, как в случае конверсии в англ. *round* ‘круглый’ – *round* ‘вокруг’, рус. *делимое* – *делимое*¹, однако налицо переход единиц в новый синтаксический класс без участия аффиксов (см. ниже параметр смены синтаксической категории). Примечательно, что в первом случае парадигма не меняется, поскольку форм словоизменения не имеет ни категория производящей единицы, ни категория, к которой относится результирующая. Именно так обстоит дело при конверсии русских деепричастий в наречия, предлоги и союзы. Отсутствие смены словоизменительной парадигмы в силу пустоты множества словоизменительных форм как в начальной, так и в конечной точке конверсии кажется целесообразным представить в виде третьего значения соответствующего параметра, а именно как Ø.

Обязательным условием диагностики конверсии в ряде исследовательских подходов [Смирницкий, 1953; Кубрякова, 1990; Štekauer, 1996] является переход языковой единицей в «другую часть речи» (ср. также определение категориальной конверсии в [Мельчук, 1975]), что сопряжено с описанным выше параметром смены словоизменительной парадигмы, поскольку в целом часть речи представляет собой прежде всего морфо-синтаксическое единство (о выделениях частей речи см. [Плунгиан, 2011, с. 102]). Как это видно по приведенным выше примерам, в подавляющем большинстве случаев указанное условие выполняется. Однако, как это, в частности, показано в работе С. Мановой, преобразования вроде *математика* – *математик* и *лис* – *лиса* (см. ниже) происходят в пределах категории существительного (и тем не менее представляют собой случаи конверсии – в силу отсутствия каких-либо аффиксов) [Manova, 2005]. Таким образом, правомерно говорить о двух возможных значениях («да» или «нет») параметра *смены синтаксической категории*.

Ассоциированными с конверсией или частично с ней совпадающими в связи с окказиональной или узуальной сменой синтаксической категории являются межкатегориальная трансляция первой степени в терминологии Л. Теньера [Теньер, 1988] и синтаксическая деривация в понимании Е. Куриловича: «синтаксический дериват – это форма с тем же

¹ Примечателен, однако, словоклассифицирующий признак рода у результирующего существительного и словоизменительный – у мотивирующего причастия.

лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой» [Курилович, 1962, с. 23, 24].

Отдельным вопросом при детерминации конверсии является решение о том, насколько строго понимается *сходство фонетического облика* производящей и результирующей языковых единиц: абсолютно идентично, как в парах *больной – больной* ‘пациент’, англ. *round* ‘круглый’ – *round* ‘вокруг’ или же совпадают лишь основы, как в случае *ходить – ход*, нем. *grün* ‘зеленый’ – *grünen* ‘зеленеть’. В зависимости от исследуемого языкового материала инструментарий конверсии может быть адаптирован тем или иным образом. Так, например, для английского языка с ярко выраженными чертами аналитизма используется более строгое понимание [Смирницкий, 1953]. Таким образом, продуктивные для английского языка модели преобразования существительных в глаголы и прилагательные (*square* ‘квадрат’ – *square* ‘квадратный’ и *to square* ‘распрямять’), глаголов в существительные (*to work* ‘работать’ – *work* ‘работа’) и т.п. представляют собой строгую конверсию; сюда же относятся случаи регулярной немецкой субстантивации вроде *leben* ‘жить’ – *das Leben* ‘жизнь’; менее распространенными, но все же строгими вариантами конверсии являются французские примеры *sourire* ‘улыбаться’ – *le sourire* ‘улыбка’ (также см. примеры из венгерского и осетинского, приведенные в самом начале п. 1).

Для материала славянских языков с богатым инвентарем словообразовательных морфем и синтетическим устройством конверсия трактуется, как правило, более широко. В статье С. Мановой предложена классификация типов конверсии в славянских языках [Манова, 2005, с. 12], в которую попадает словообразование наподобие русских *ходить – ход*, *математика – математик* (со сменой синтаксической категории в первом случае и с сохранением – во втором), словоизменение вроде *лис – лиса*¹, а также синтаксическая конверсия, как в случае *столовая* (прилагательное) – *столовая* (существительное). Среди подобных конверсии совпадений внешних обликов двух единиц упоминается синкретизм типа *стулья* (именительный падеж) – *стулья* (винительный падеж); такие совпадения имеют диахроническое объяснение из области морфологии (см., например, [Аркадьев, 2005, с. 217]) и действительно к конверсии не относятся. Итак, для Стелы Мановой при разработке теории

¹ Отнесение преобразований вроде *лис – лиса* к словоизменительным вызывает сомнения, поскольку род существительного в русском языке представляет собой несловоизменительную классифицирующую категорию (см. [Грамматика-80, с. 486] и ср. понятие согласовательного класса в [Зализняк, 1967]), в настоящей статье такие преобразования рассматриваются как случаи словообразования.

конверсии принципиальным критерием для включения языковых явлений в область исследования оказывается совпадение основ¹ исходной и производной языковых единиц.

В таблице 1 приведены три параметра конверсии: два из них эксплицитно обозначены слева и сверху; положительное значение параметра идентичности фонетического облика отображается с помощью знака тождества (\equiv) внутри ячейки. Типы конверсии проиллюстрированы примерами из русского языка.

Итак, не вполне типичная для славянских языков строгая конверсия все же обнаруживается в русском и представлена в таблице 1 ячейками со знаком \equiv . В среднюю ячейку верхней строки наряду с указанным попадают случаи субстантивации причастий² (*заведующий, испытуемый*), адъективизации причастий (*открытый, воинствующий*) и, возможно, числительных (*осетрина не первой свежести; второе лицо в компании*). К правой ячейке верхней строки также относится адвербиализация существительных в творительном падеже (*чудом, украдкой*), глагольных форм (*почти, чуть*) и деепричастий (*походя, играючи*), а также конверсия в служебные части речи (союз *пока* из наречия *пока*, союз *хотя* и предлог *спустя* из деепричастий, частицы *давай* и *бывало* из глагольных форм и т.п.).

Далее в фокус внимания будут помещены русские деепричастия, которые в результате конверсии пополняют класс наречий, предлогов и союзов.

2. Русские деепричастия с точки зрения конверсии

2.1. Категория деепричастия

В грамматической системе русского языка деепричастия представляют собой относительно недавно оформившуюся категорию (см., например, [Обнорский, 1953/2009; Исаченко, 1954/2003], а также [Чупашева,

¹ В связи с замечанием анонимного рецензента относительно понимания термина «основа» уточним, что подробное изучение этого вопроса в настоящей статье невозможно в силу выбранного масштаба и поставленных задач; принципиальным на данный момент кажется такое разграничение: строгая конверсия с полным совпадением означающих исходной и результирующей единиц vs. нестрогая, когда без добавления словообразовательных аффиксов основа результирующей единицы совпадает с основой исходной или усечена.

² Имеются в виду случаи субстантивации, зафиксированные в словаре. Тем не менее, и наречие (*всю жизнь его волновало только вчера, завтра его не заботило*), и глагол (*его напиться всем изрядно надоело*), и предлог (*взвесить все за и против*) и частица (*большое спасибо*) могут субстантивироваться на уровне синтаксиса (см. об этом, прежде всего, работу И.А. Мельчука [Мельчук 1995]). Подобные окказиональные употребления в настоящей статье не рассматриваются.

Таблица 1

Параметры конверсии и ее типы

		Смена словоизменительной парадигмы	
		да	нет
Смена синтаксической категории	да	<i>золото</i> → <i>золотой</i> , <i>ходить</i> → <i>ход</i>	<i>столовая</i> (прилагательное) → <i>столовая</i> (существительное), <i>открытый</i> (причастие) → <i>открытый</i> (прилагательное) ≡
	нет	<i>математик</i> → <i>математика</i> , <i>супруг</i> → <i>супруга</i>	<i>благодаря</i> (деепричастие) → <i>благодаря</i> (предлог), <i>пока</i> (наречие) → <i>пока</i> (союз) ≡ 0

2008; Birzer, 2010]). В нормативных грамматиках обнаруживаются достаточно однообразные сведения с традиционным набором морфологических (дистрибуция суффиксов и особенности глагольных основ), синтаксических (требование кореферентности и сочетаемость) и семантических (известное значение «добавочности действия» и значения категории таксиса) свойств деепричастий [Грамматика-60, с. 520–525; Грамматика-80, с. 672–676].

На вопрос о категориальной принадлежности деепричастия существуют разные ответы: является деепричастие самостоятельной частью речи или словоформой глагола. Одна из версий – это понимание деепричастия как пограничной, смешанной части речи, находящейся между глаголом и наречием. Такой подход встречается в основном у классиков русистики и в более ранней академической грамматике: «смешанная часть речи» [Пешковский, 1934]; «гибридная наречно-глагольная категория» [Виноградов, 1947]; «деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия» [Грамматика-60, с. 520]. Другой точкой зрения является отнесение деепричастия к глагольной парадигме: деепричастие – «атрибутивная форма глагола» [Грамматика-80, с. 672]; «...деепричастие не является “гибридной категорией”, не стоит “между двумя частями речи”, а остается частью глагольной парадигмы» [Исаченко, 1954/2003, с. 519]; деепричастие – нефинитная форма глагола [Козинцева, 1990, с. 128], «нефинитные формы глагола, возглавляющие сентенциальные сирконстанты, называются деепричастиями»¹ [Тестелец, 2001, с. 266].

В целом более адекватным представляется подход, при котором деепричастие является словоформой глагола. Фактически при альтернативном решении регулярные деепричастия должны рассматриваться как отдельные лексемы, что не совсем правомерно как по семантическим соображениям, так и по чисто количественным в плане лексикографии, ср.:

- (1) а. *Автор не знает, о чем думал этот стареющий человек, **играя** на пианино.* (М. Зощенко. Возвращенная молодость (1933))
- б. *Автор не знает, о чем думал этот стареющий человек, **забивая** гвоздь.*
- в. *Автор не знает, о чем думал этот стареющий человек, который (в тот момент) **играл** на пианино.*
- г. *Таня освоила специальность гистологического лаборанта **играючи**.*
(Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000))

¹ Фактически к этой же точке зрения относится отмеченное анонимным рецензентом понимание деепричастия как репрезентанта глагола, см., например, [Волоцкая и др., 1964].

В семантическом плане предложения (1а) и (1в) различаются ровно настолько, насколько значение категории таксиса¹, выражаемое деепричастием *играя* в (1а), отличается от значения категории абсолютного времени, выражаемого финитным глаголом *играл* в (1в), – и, соответственно, количеством временных интерпретаций каждого из предложений. Также и различия в синтаксической структуре (1а) и (1в), связанные, в частности, с невозможностью фонетического выражения субъекта при деепричастии, все же не дают основания приписывать деепричастию *играя* иное толкование по сравнению с *играл*. В случае же (1г) налицо разница между лексемой *играть* и любой ее регулярной словоформой – и ее дериватом *играючи*². Помимо синтаксического отличия в плане невозможности наличия у *играючи* дополнения (*??играючи на пианино*, *??играючи Бетховена*), наблюдаются и значительные семантические изменения: компонент значения ‘с легкостью, без труда’ отсутствует у лексики *играть*, но присущ единице *играючи* (ср. толкование [Ожегов, 1990, с. 238]), что дает основание рассматривать последнюю как самостоятельную лексему.

Кроме того, лексикографически несостоятельным было бы заводить отдельные словарные статьи для деепричастий, регулярно образующихся от глаголов: в них бы содержались те же толкования, что и для глагольных лексем, и в каждой из них приводились бы сведения о значении категории таксиса, которые в любом случае содержатся в грамматиках.

2.2. Лексемы деепричастного происхождения

В грамматическом словаре [Зализняк, 1977/2010] обнаруживается целый ряд деепричастий, классифицированных как лексемы определенной части речи:

- (2) наречия: *лежа, полулежа, сидя, полусидя, стоя, шутя, полужутя, любя, нехотя, зря, отступя, немедля, походя, погодя, загодя, выпивши, умеючи, играючи, припеваючи, молча, (не) обинюясь, (не) спросясь, (не) торопясь, уставясь, облокотясь, наклонясь, крадучись, отродясь*; сюда же относится *(не) спеша*;
 предлоги: *спустя, отступя, смотря (по), благодаря, глядя (на/по), судя (по), невзирая (на), несмотря (на), учитываяя, исключая, начиная (с)*;
 союз *хотя*, а также производные; кроме того, упомянутые предлоги выступают в составе союзов *несмотря на то, что/как/где/почему; невзирая на то, что/...; глядя на то, что/...; судя по тому, что/...; смотря по тому, что/...; начиная с того, что/...; учитываяя (то), что/...; исключая (то), что/...*

¹ Подробно о таксисе категории деепричастия см., например, [Акимова, Козинцева, 1985].

² О вариативности суффиксов русских деепричастий подробно см. [Ковальская и др., 2011].

Как видно, конверсия деепричастий представлена достаточно обширным списком лексем. Кратко остановимся на синтаксических и семантических изменениях, а также морфологических отклонениях, сопровождающих закрепление деепричастий в новой категории.

Во-первых, при строгой конверсии деепричастий нарушаются хорошо известное требование кореферентности субъекта при глагольной форме из главной части предложения и субъекта при деепричастии, а также ограничение на пассивный залог в главной клаузе [Исаченко, 1954/2003; Пешковский, 1956; Грамматика-80; Тестелец, 2001]. Так, в (3) субъект *действие* при глаголе в пассивном залоге *распространяются* и нулевой субъект, реконструирующийся при деепричастии *исключая*, не совпадают. Кроме того, у предлога *исключая*, в отличие от соответствующего деепричастия, сохранена валентность объекта, однако валентность субъекта отсутствует, ср. также отсутствие прямого дополнения в (4). Тем самым, можно говорить об изменениях в области актантной структуры деепричастия, подвергающегося конверсии¹.

(3) *Действие_i полса распространяется по всему миру, (Ø)_i исключая СНГ.* (Т. Ливенкова. На всякий случай (2001))

(4) *Над Хрущевым смеялись, но чуточку любя.*
(А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998))

Во-вторых, у конвертированных единиц наблюдаются семантические изменения: ср. *шутя* из (5) с регулярным деепричастием в примере *шутя над своей сестрой* (также см. (1г)). Примечательно, что производящая единица может не употребляться в современном языке, как в примере (6).

(5) *Он все делал шутя, быстро, без труда.*
(В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 2 (1960))

(6) *Андрей Новиков – человек талантливый, и, наверное, не зря его полюбила моя дочь.*
(И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999))

Все перечисленные лексемы представляют собой результат строгой конверсии деепричастия. Однако в случаях наречий с приставкой *полу-* любопытно, что два из них (*полулежа* и *полусидя*) действительно образованы от соответствующих деепричастий в силу существования глаголов *полулежать* и *полусидеть*, в то время как *полушутя*, по всей

¹ Автор благодарит анонимного рецензента, замечание которого позволило сделать данное обобщение более точным: у конвертированной деепричастной единицы актантная структура, как правило, изменена, но необязательно утрачена.

видимости, представляет собой приставочный дериват ранее адвербиализованного *шутя*, несмотря на приведенный анонимным рецензентом пример (7). В Национальном корпусе русского языка, а также во всех словарях, индексированных в «Сводном словаре современной русской лексики» [Рогожникова, 1991], глагол *полушутить* отсутствует. Образование *полушутит* может быть поставлено в один ряд с такими окказионализмами, как *главнокомандует* и *химчистит*, очевидным образом деривированных от *главнокомандующий* и *химчистка* и носящих полушуточный характер.

(7) *Он вселяет в нас надежду, что иностранный литератор имеет шансы за границей!* – **полушутит** Игорь Сатановский, культовый поэт и перформансист молодежного русского Нью-Йорка. (Интернет)

Относительно наречий *немедля* и *нехотя* следует отметить наличие в них префикса *не-*, который очевидным образом исторически восходит к отрицательной частице, употребленной при глаголе, ср. *не* рядом с деепричастием:

(8) *А это заявлено твердо и никем не опровергнуто, и, хотя или не хотя, ему, очевидно, приходится верить и с ним соображаться.* (Н.С. Лесков. Епархиальный суд (1880))

(9) *Добронрав не медля предложил Миловидиной тетке о их бракосочетании и просил ее усильно, чтобы она на sie согласилась.* (Н.И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770))

Отметим также, что конверсии часто подвергаются деепричастные единицы с нехарактерным для их глагольной основы суффиксом: либо с архаичным вариантом *припеваючи* vs. *припевая*, либо с просторечным *вытвивши/вытвивши* vs. *выттив*, либо с характерным для своего видового коррелята *отступя* vs. *отступив*; при этом регулярная деепричастная словоформа также синхронно существует.

Итак, пополнение словаря деепричастиями представлено немалым количеством примеров. По всей видимости, отсутствие у деепричастий, наречий, предлогов и союзов форм словоизменения и уже зафиксированные деепричастные лексемы дают основание предполагать, что в будущем число конвертированных деепричастий увеличится.

В работе С. Бирцер приведенные случаи конверсии рассматриваются как результат процесса лексикализации (при закреплении деепричастий в классе наречий) [Birzer, 2010], т.е. преобразования, при котором лексическое значение конечной лексемы не (полностью) выводимо

из значения мотивирующей единицы (ср. определение [Brinton, Traugott, 2005, с. 96]) и грамматикализации (при переходе деепричастий в класс предлогов и союзов), т.е. развития у лексем деепричастного происхождения более грамматического значения (фактически имеется в виду фрагмент полного пути от полнозначного слова до грамматического показателя, ср. [Lehmann, 1995]).

Процессы грамматикализации и лексикализации носят постепенный характер, и конверсия деепричастий может рассматриваться как один из этапов того или другого процесса в зависимости от категории, которую они пополняют.

3. Выводы

Конверсия, будучи достаточно хорошо изученным явлением из области словообразования, может быть описана с помощью набора из трех параметров: смены словоизменительной парадигмы, смены синтаксической категории и идентичности фонетического облика. Типы конверсии, таким образом, исчисляются сочетанием значений указанных параметров.

Полное совпадение фонетического материала деепричастных лексем с соответствующими деепричастными словоформами позволяет классифицировать их как случаи строгой конверсии: результирующие языковые единицы принадлежат к новой грамматической категории (наречий, предлогов или союзов). Параметр смены словоизменительной парадигмы оказывается здесь нейтрализованным, поскольку ни один из указанных классов, к которому принадлежат конвертированные единицы, не имеет форм словоизменения. Так, нехарактерная для славянских языков разнovidность конверсии все же обнаруживается в русском языке и представлена целым рядом лексем, образованных от деепричастий, и расширение этого ряда со временем высоко вероятно. В то же самое время, поскольку процессы грамматикализации и лексикализации, в перспективе которых исследовались русские деепричастия, носят постепенный характер, конверсия деепричастий может рассматриваться как один из этапов того или другого процесса в зависимости от категории, которую они пополняют.

Библиография / References

Акимова, Козинцева, 1985 – Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. К определению значения зависимого таксиса в русском языке (на материале конструкций с деепричастиями) // Функциональные аспекты грамматики русского языка / Отв. ред. М.А. Шелякина. Тарту, 1985. С. 44–61. [Akimova T.G., Kozintseva N.A. Towards the definition of dependent taxis in Russian (case study of adverbial participle

phrases). *Funksional'nye aspekty grammatiki russkogo yazyka*. M.A. Shelyakina (ed.). Tartu, 1985. Pp. 44–61.]

Аркадьев, 2005 – Типология и диахрония: Наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках // *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова*. М., 2005. С. 210–223. [Typology and diachrony: observing the case syncretism in Slavic. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiyu T.M. Nikolaevoi. V.N. Toporov* (ed.). Moscow, 2005. Pp. 210–223.]

Виноградов, 1947 – Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947. [Vinogradov V.V. *Russkiiyazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian language. Grammatical studies on the word]. Moscow – Leningrad, 1947.]

Волоцкая и др., 1964 – Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964. [Volotskaya Z.M., Moloshnaya T.N., Nikolaeva T.M. *Opyt opisaniya russkogo yazyka v ego pis'mennoy forme* [The experience of describing Russian in its written form]. Moscow, 1964.]

Востоков, 1863 – Востоков А.Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863. [Vostokov A.Kh. *Grammatika tserkovno-slovenskogo yazyka, izlozhennaya po drevneishim onago pis'mennym pamyatnikam* [Grammar of Church Slavonic stated according to its most ancient records]. Saint-Petersburg, 1863.]

Гак, 1990 – Гак В.Г. Транспозиция // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 519. [Gak V.G. *Transposition*. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1990. P. 519.]

Грамматика-60 – Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. М., 1960. [Grammatika russkogo yazyka [Grammar of Russian]. Vinogradov V.V., E.S. Istrina, S.G. Barhudarov (eds.) Moscow, 1960.]

Грамматика-80 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. Shvedova N.Yu. (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Зализняк, 1967 – Зализняк А.А. Русское именное словоизменение М., 1967. [Zaliznyak A.A. *Russkoye imennoye slovoizmeneniye* [Russian nominal inflection]. Moscow, 1967.]

Зализняк, 1977/2010 – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 2010. [Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow, 2010.]

Земская, 1973 – Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. [Zemskaya E.A. *Sovremennyyi russkiiyazyk: Slovoobrazovanie* [Modern Russian: word-formation]. Moscow, 1973.]

Исаченко, 1954/2003 – Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. М., 2003. [Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim* [Grammatical system of Russian as compared to the Slovak]. Moscow, 2003.]

Ковальская и др., 2011 – Ковальская В.М., Кузнецов И.О. Нестандартные деепричастия в русском языке: морфология // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский*. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 3. С. 105–110. [Kovalskaya V.M., Kuznetsov I.O. *Nonstandard*

adverbial particles in Russian: morphology. *Acta Linguistic Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN*. N.N. Kazanskii (ed.). Saint-Petersburg, 2011. Vol. 7. Part 3. Pp. 105–110.]

Козинцева, 1990 – Козинцева Н.А. Деепричастие // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 128. [Kozintseva N.A. Adverbial participle. *Lingvistichekii entsiklopedicheskii slovar'*. V.N. Yartseva (ed.). Moscow, 1990. P. 128.]

Кубрякова, 1974 – Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974. Т. 5. С. 64–76. [Kubryakova E.S. Derivation, transposition, conversion. *Voprosy yazykoznanija*. 1974. Vol. 5. Pp. 64–76.]

Кубрякова, 1990 – Кубрякова Е.С. Конверсия в словообразовании // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 235 [Kubryakova E.S. Derivational conversion. *Lingvistichekii entsiklopedicheskii slovar'*. V.N. Yartseva (ed.). Moscow, 1990. P. 235.]

Курилович, 1962 – Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сб. ст. М., 1962. С. 22–25. [Kurilovich E. Lexical derivation and syntactic derivation. *Kurilovich E. Oчерki po lingvistike*. Moscow, 1962. Pp. 22–25]

Лопатин, 1966 – Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 76–87. [Lopatin V.V. Zero-affixation in the system of word-formation in Russian. *Voprosy yazykoznanija*. 1966. № 1. Pp. 76–87.]

Лопатин, 1967 – Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1967. С. 205–233. [Lopatin V.V. Substantivation as a type of word-formation in Modern Russian. *Russkii yazyk: Grammaticheskie issledovaniya*. N.Yu. Shvedova (ed.) Moscow, 1967. Pp. 205–233.]

Мельчук, 1975 – Мельчук И.А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 5–50. [Mel'chuk I.A. Experiments on elaborating a fragment of the system of notions and terms for morphology (formalizing the language of linguistics). *Semiotika i informatika*. Vol. 6. Moscow, 1975. Pp. 5–50.]

Мельчук, 1995 – Мельчук И.А. Словообразование и конверсия // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М.–Вена, 1995. С. 505–512. [Mel'chuk I.A. Word-formation and conversion. *Mel'chuk I.A. Russkii yazyk v modeli «Smysl – Tekst»*. Moscow–Vienna, 1995. Pp. 505–512.]

Пешковский, 1934 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934. [Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax treated scientifically]. Moscow, 1934.]

Плунгян, 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. [Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introducing grammatical semantics: grammatical values and grammatical systems in the world languages]. Moscow, 2011.]

Обнорский, 1953/2009 – Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 2009. [Obnorskii S.P. *Oчерki po morfologii russkogo glagola* [Studies in morphology of the Russian verb]. Moscow, 2009.]

Ожегов, 1990 – Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. [Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov [Dictionary of Russian: 70000 words]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1990.]

Рогожникова, 1991 – Рогожникова Р.П. Сводный словарь современной русской лексики. М., 1991. Т. 2. [Rogozhnikova R.P. Svodnyi slovar' sovremennoi russkoi leksiki [Consolidated dictionary of Modern Russian]. Moscow, 1991. Vol. 2.]

Потебня, 1888 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. [Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoi grammatike [Extracts from notes on Russian Grammar]. Khar'kov, 1888.]

Смирницкий, 1953 – Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21–31. [Smirnitkii A.I. So called conversion and sound alternation in English. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1953. № 5. Pp. 21–31.]

Теньер, 1988 – Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. [Tesièrè L. Osnovy strukturnogo sintaksisa [Elements of structural syntax]. Moscow, 1988.]

Чупашева, 2008 – Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия. Мурманск, 2008. [Chupasheva O.M. Grammatika russkogo deeprichastiya [The grammar of Russian adverbial participle]. Murmansk, 2008.]

Birzer, 2010 – Birzer S. Русское деепричастие. Процессы грамматикализации и лексикализации. München, 2010. [Birzer S. Russkoe deeprichastie. Protsessy grammatikalizatsii i leksikalizatsii [Russian adverbial participle. The processes of grammaticalization and lexicalization]. München, 2010.]

Brinton, Traugott, 2005 – Brinton L.J., Traugott E.C. Lexicalization and language change. Cambridge University Press, 2005.

Dokulil, 1968 – Dokulil M. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen. *Trav aux linguistiques de Prague*. 1968. Т. 3. Pp. 215–239.

Kastovsky, 2005 – Kastovsky D. Conversion and/or zero: word-formation theory, historical linguistics, and typology. *Approaches to conversion / zero-derivation*. L. Bauer, S. Valera (eds.). Münster, 2005. Pp. 31–49.

Lehmann, 1995 – Lehmann C. Thoughts on Grammaticalization. München–Newcastle, 1995.

Manova, 2005 – Manova S. Towards a Theory of Conversion in Slavic: Evidence from Bulgarian, Russian and Serbo-Croatian. *Glossos*. 2005. Issue 6.

Marchand, 1967 – Marchand H. Expansion, transposition, and derivation. *La linguistique*. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.

Štekauer, 1996 – Štekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main, 1996.

Статья поступила в редакцию 12.10.2016

The article was received on 12.10.2016

Ковальская Вера Максимовна – лингвист-разработчик Департамента семантических технологий, ЗАО «Эвентос», г. Москва

Kovalskaya Vera M. – Linguist-engineer of Department of Semantic Technologies, ЗАО «Eventos», Moscow

E-mail: foi_forgee@mail.ru

Е.В. Корнакова^{*,**}

Е.А. Лютикова^{*,**}

П.В. Гращенков^{*,**,***}

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Москва, Россия

** Московский педагогический государственный университет,
119991, Москва, Россия

*** Институт Востоковедения РАН,
107031, Москва, Россия

Лицензирующие свойства отрицания в русском языке¹

В статье обсуждаются синтаксические механизмы лицензирования сентенциальным отрицанием различных грамматических феноменов. Два подхода к лицензированию отрицательно-полярных единиц – анафорический и согласовательный – делают различные предсказания в отношении (не)зависимости лицензирования нескольких феноменов, чувствительных к отрицанию. В статье представлено экспериментальное исследование лицензирования генитива отрицания и отрицательных местоимений в русском языке, основанное на суждениях носителей о грамматичности. Полученные данные показывают, что использование генитива отрицания значимо повышает оценки стимулов с отрицательными местоимениями.

Ключевые слова: отрицание, отрицательно-полярные единицы, лицензирование, генитив отрицания, структура именной группы, коллокации, русский язык.

¹ Статья написана при поддержке проекта РФФ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира». Авторы выражают признательность рецензентам за содержательные замечания, которые позволили существенно уточнить многие положения статьи.

E.V. Kornakova^{*,**}

E.A. Lyutikova^{*,**}

P.V. Grashchenkov^{*,**,***}

* Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119234, Russia

** Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russia

*** Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, 107031, Russia

Licensing properties of Russian negation¹

The paper discusses syntactic mechanisms of licensing by sentential negation. The two approaches to NPI licensing – anaphoric and agreement-based – differ with respect to their predictions about (in)dependence of licensing multiple negation-sensitive grammatical phenomena. The paper presents an experimental study of licensing genitive of negation and negative pronouns in Russian based on grammaticality judgments. The data shows that genitive of negation improves significantly the grammaticality of stimuli with negative pronouns.

Key words: negation, negative polarity items, licensing, genitive of negation, noun phrase structure, collocations, Russian.

1. Отрицание как синтаксический феномен

Отрицание кажется одной из наиболее простых с семантической точки зрения операций, поскольку находит прямое соответствие в логике в виде логического/семантического оператора отрицания. Однако, как показывают многочисленные исследования языковых концептов, одноименным понятиям формальной логики, таких как сочинение (конъюнкция и дизъюнкция), квантификация (кванторы общности и существования), условие (импликация), тождество и идентификация (логическая эквиваленция), языковые концепты устроены неизмеримо сложнее, чем их логические аналоги (из отечественных работ см., например, публикации серии «Логический анализ языка» [Логический анализ, 1990, 1995, 2005, 2009], а также [Арутюнова, 1988; Санников, 1989; Падучева, 1985, 1992, 2004; Урысон, 2000 и др.]).

¹ The work on this paper was supported by Russian Science Foundation (RSF project 14-18-03270 «Word Word Order Typology, Communicative-Syntactic Interface, and Information Structure in Languages of the World»). The authors are indebted to the anonymous reviewers for their comments to the earlier versions of this paper which allowed to clarify significantly many issues.

Отрицание занимает в этом ряду особое место. Помимо того, что семантика отрицания далеко не так тривиальна, как представляется на первый взгляд (ср., например, способность сентенциального отрицания взаимодействовать с фокусом и создавать неоднозначные интерпретации с различными коммуникативными структурами: *Он не решил все задачи vs. Он не решил ВСЕ задачи vs. ВСЕ задачи он не решил* [Падучева, 2013]), отдельный круг вопросов связан с синтаксической репрезентацией отрицания. Основные структурные опции сводятся к следующим дихотомиям:

(i) является ли сентенциальное отрицание синтаксической вершиной, возглавляющей собственную проекцию, или отрицательным наречием, адьюнгирующимся к глагольной группе;

(ii) допускает ли язык одновременное присутствие в клаузе нескольких отрицательных элементов (при сохранении отрицательной интерпретации);

(iii) совместимы ли в одной клаузе сентенциальное отрицание и отрицательные местоимения (при сохранении отрицательной интерпретации).

Согласно диагностикам [Zanuttini, 1991, 1998, 2001; Merchant, 2001; Zeijlstra, 2004], русское сентенциальное отрицание относится к классу отрицательных вершин, или сильных предглагольных отрицательных показателей (а не отрицательных групп, таких как, например, германские отрицательные наречия). Отрицательное предложение характеризуется «согласованием по отрицательности» (*negative concord*¹) всех неопределенных именных групп в сфере действия отрицания, что приводит к «распространению отрицательности» (*negative spread*) на всю отрицательную клаузу. Отрицательные местоимения сами по себе не являются маркерами отрицания (*negative quantifiers*) и вне сентенциального отрицания неграмматичны.

Существенную теоретическую проблему представляет анализ грамматического взаимодействия сентенциального отрицания и различных языковых феноменов [Miestamo, 2005]. В русском языке к таким феноменам относятся, в частности:

- лицензирование отрицательных местоимений, т.е. местоимений, содержащих в своем составе элемент *ни-*, например, *никто*, *никакой*, *никогда* и т.п.;
- лицензирование прочих отрицательно-полярных единиц: неопределенных местоимений с *нибудь-*, *-либо*, в сочетании с *бы то ни было*,

¹ Понятие *negative concord* впервые встречается в книге О. Есперсена [Jespersen, 1922] и вводится в терминологический аппарат формального синтаксиса в статье Ч. Бейкера [Baker, 1970].

- усилительной частицы *и* (*не прошло и полгода*), различных идиоматических выражений (*ни на грош*) [Pereltsvaig, 2000; Падучева, 2013];
- лицензирование генитива субъекта и объекта (*Мороза не чувствовалося, Он не читает газет*) [Падучева, 1997, 2006; Partee, Borschev, 2002; Рахилина, 2008; Лютикова, Тестелец, 2013 и др.];
 - лицензирование сослагательного наклонения в придаточном определительном (*Мы не нашли документов, которые подтвердили бы его невиновность*) [Добрушина, 2011, Kagan, 2012];
 - лицензирование сослагательного наклонения в придаточном изъяснительном (*Он не помнил, чтобы его пригласили/приглашали*) [Лютикова, 2010];
 - замена совершенного вида глагола на несовершенный в главной клаузе (*Иван не подписал / не подписывал это письмо*) [Падучева, 1974, 2013], а также в актантном инфинитивном обороте и придаточном изъяснительном.

Нельзя не отметить, что связь отрицания и перечисленных грамматических явлений существенно отличается от более привычных нам видов синтаксического взаимодействия, например, падежного управления или предикативного согласования. Обращает на себя внимание односторонний характер этой связи: отрицание является необходимым условием для реализации определенной грамматической структуры (например, для появления в предложении отрицательного местоимения или для замены аккузатива прямого дополнения на генитив), однако такая реализация не является обязательной (отрицательное предложение может не содержать отрицательных местоимений, а глагол сохраняет способность управлять аккузативом¹).

В этой связи возникает вопрос о синтаксических механизмах лицензирования: является ли лицензирование вершиной X составляющей Y с определенным признаком f результатом операции (взаимного) означивания признаков (например, операции AGREE), как это происходит, например, при падежном взаимодействии предикативной вершины и субъектной именной группы, или же мы имеем дело с иным видом синтаксического взаимодействия, когда признак f составляющей Y возникает независимо от вершины X, но лишь требует проверки в области локального s-командования вершины X. Последний тип взаимодействия напоминает требования теории связывания: так, анафор должен иметь коиндексированный s-командующий антецедент в некоторой локальной

¹ Единственный тип конструкций, в которых отрицание с необходимостью меняет падежное оформление аргумента – бытийные предложения [Арутюнова, Ширяев, 1983; Partee, Borschev, 2002].

области, при этом сам антецедент синтаксически нечувствителен к наличию связываемого им анафора.

В рамках данной статьи мы предлагаем новый подход к исследованию лицензирующих свойств отрицания и установлению синтаксических механизмов, стоящих за лицензированием. Поскольку в русском языке с сентенциальным отрицанием связано несколько грамматических феноменов, возникает возможность установить, является ли лицензирование различных грамматических явлений взаимно независимым. Установление (не)зависимости лицензирования, в свою очередь, имеет существенные последствия для моделирования возможных механизмов лицензирования.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим теоретические подходы к проблеме лицензирования отрицанием различных грамматических феноменов, в первую очередь – отрицательных местоимений и нелокальных NPI. Раздел 3 посвящен описанию синтаксического контекста, позволяющего проверить взаимосвязь между лицензированием генитива дополнения и отрицательных местоимений в русском языке. В разделе 4 рассказывается о пилотном лингвистическом эксперименте, в котором проверяется независимость лицензирования генитива отрицания и отрицательных местоимений. Раздел 5 содержит обсуждение результатов эксперимента и выводы.

2. Механизмы лицензирования

Несмотря на значительный интерес к проблематике отрицания и большое количество публикаций в данной проблемной области (ср., например, диссертации и монографические работы [Progovac, 1988, 1994; Laka, 1990; Haegeman, 1995; Giannakidou, 1997, 1998; Zanuttini, 1998, 2001; Brown, 1999; Zeijlstra, 2004; Падучева, 2013]), вопрос о синтаксических механизмах, стоящих за лицензированием разнообразных грамматических феноменов со стороны отрицания, на сегодняшний день исследован недостаточно. С одной стороны, многих исследователей интересуют скорее семантические, нежели синтаксические аспекты сентенциального и фразового отрицания. С другой стороны, синтаксические исследования лицензирующих свойств отрицания сосредоточиваются в первую очередь на проблеме «согласования по отрицательности» (negative concord), в особенности в языках с «распространением отрицательности» (negative spread – когда отрицание грамматически «распространяется» на все неопределенные выражения в его сфере действия [van der Wouden, Zwarts, 1993; van der Wouden, 1994]). Однако механизмы, регулирующие подобное согласование, едва ли могут быть автоматически перенесены на такие феномены, как сослагательное наклонение

в зависимой клаузе или имперфективация глагола, поскольку соответствующие грамемы грамматичны не только в отрицательном контексте и не являются, вообще говоря, отрицательно-полярными единицами. Отдельную проблему представляет лицензирование отрицанием генитивного субъекта/объекта: сентенциальное отрицание само по себе не является управляющей вершиной, приписывающей падеж, но выступает лишь модификатором стандартного управления. Тем самым отношение между аргументной именной группой и сентенциальным отрицанием должно быть опосредовано некоторой промежуточной вершиной, на управление которой оказывает влияние отрицание.

Начиная как минимум с работы [Klima, 1964], общепринятым является положение, что лицензирование отрицанием некоторой NPI требует структурного приоритета отрицания над NPI (см. реферативное обсуждение этой проблематики [Ladusaw, 1996; Zeijlstra, 2004]). Грамматичность NPI, лицензируемых расположенным ниже в синтаксической структуре сентенциальным отрицанием, часто используется как свидетельство передвижения NPI из базовой позиции, расположенной в области *s*-командования отрицания [Larson, 1988; Laka, 1990]. Структурный приоритет, однако, лежит в основе самых разных синтаксических явлений, поэтому неудивительно, что лицензирование NPI получало различные интерпретации. Два основных подхода, представленные в литературе, проводят аналогию между отрицанием и двумя другими синтаксическими феноменами, опирающимися на *s*-командование: связыванием и согласованием.

Более ранний по времени подход представлен в работах Л. Проговач [Progovas, 1988, 1991, 1992, 1993, 1994, 2000] и А. Нелемана и Х. ван де Кота [Neeleman, van de Koot, 2002] и развивает идеи диссертации И. Лака [Laka, 1990]. Согласно мнению И. Лака, отрицание является вершиной, относящейся к более абстрактной синтаксической категории Σ . Связь между отрицанием и NPI односторонняя: NPI возможны тогда, когда ими *s*-командует вершина Σ с признаком [negation].

Естественной имплементацией отношений между NPI и Σ в таком случае становятся анафорические отношения: Σ выступает антецедентом NPI, а NPI отличаются друг от друга различными требованиями к локальности антецедента. Так, например, в сербо-хорватском языке представлены две серии NPI: *ni*- и *i*-местоимения. *Ni*-местоимения требуют локального (сопредикатного) отрицания, в то время как *i*-местоимения – отрицания в главной клаузе (примеры (1) и (2)). При этом местоимения обеих серий сами по себе не являются отрицательными маркерами и не могут употребляться вне сентенциального отрицания (3).

- (1) *Niko* / **iko* *nije* *zaspaо.*
 Никто / *кто-либо NEG.AUX заснуть.PP
 ‘Никто не заснул.’
- (2) *Milena* *nije* *rekla* *da* *je* *iko*
 Милена NEG.AUX говорить.PP что AUX кто-либо
 /**niko* *zaspaо*
 /*никто заснуть.PP
 ‘Милена не говорила, чтобы *никто/кто-либо заснул.’
- (3) **Niko* / **iko* *je* *zaspaо.*
 *никто / *кто-либо AUX заснуть.PP

Л. Проговач предлагает анализ, в соответствии с которым лицензирование NPI рассматривается как особый тип связывания – A'-связывание. При таком подходе дистрибуция местоимений *ni*-серии регулируется Принципом А: они должны быть связаны лицензором в пределах своей управляющей категории (в примерах (1) и (2) – в пределах своей клаузы). Местоимения *i*-серии оказываются анафорическими прономиналами: они должны быть свободны в пределах управляющей категории, но связаны в пределах предложения¹.

Второй подход к анализу лицензирования NPI опирается на механизм синтаксического согласования (AGREE) между отрицательной вершиной и NPI [Haegeman, 1995; Zanuttini, 1998, 2001; Mathieu, 2001; Zeijlstra, 2004; Bošković, 2008, 2009]. Данный подход проводит параллель между лицензированием NPI и взаимодействием вопросительного компонента и *wh*-групп. Как при образовании вопросительного предложения *wh*-группы передвигаются – открыто или скрыто – в позицию спецификатора или адьюнкта вершины С с признаком [wh], так и при образовании отрицательного предложения происходит согласование вершины X с отрицательным квантором (либо согласование NPI с отрицательной вершиной) по признаку [NEG]. «Распространение отрицательности» (negative spread) при таком анализе оказывается результатом согласования. Развивая этот подход, Ж. Бошкович предполагает, что различие между *ni*- и *i*-сериями NPI в сербо-хорватском может быть описано как различие между открытым передвижением NPI в Spec, NegP, проявляющимся в фонологически выраженном согласовании по отрицательности (*ne*- + *iko* = *niko*), и скрытым передвижением, которое не приводит

¹ Аналогом *i*-местоимений в теории связывания анафорических выражений оказываются дистантные рефлексивы, неспособные к локальному употреблению [Büring, 2005].

к изменению структурной позиции NPI в открытом синтаксисе и грамматическому согласованию¹.

Легко видеть, что рассмотренные подходы делают разные предсказания о том, есть ли связь между разными грамматическими феноменами, лицензируемыми сентенциальным отрицанием. Для анафорического подхода, очевидно, все грамматические явления лицензируются независимо, поскольку сам механизм связи между отрицанием и NPI подразумевает, что информация о том, есть ли ниже в синтаксической структуре элементы, чувствительные к отрицанию, самому отрицанию недоступна и не нужна. Для согласовательного подхода, напротив, [NEG] является формальным признаком, который означается при согласовании. Соответственно, значение этого признака у составляющих одной локальной области должно совпадать.

В данной работе будут приведены аргументы в пользу второго подхода. Мы рассмотрим взаимодействие двух феноменов, которые традиционно связывают с отрицанием: лицензирование генитива субъекта и объекта (далее GenNeg) и лицензирование отрицательных местоимений. Мы предложим определенный тип синтаксической конфигурации, в которой структурное соотношение между сентенциальным отрицанием и отрицательным местоимением опосредовано именной составляющей, способной принимать GenNeg, и которая тем не менее является достаточно локальной для того, чтобы сентенциальное отрицание могло лицензировать отрицательные местоимения. Описанию этой конфигурации посвящен следующий раздел.

3. Ситуационные существительные

Рассмотрим конструкции с ситуационными существительными, т.е. с существительными, которые имеют непредметную семантику и способны служить наименованием некоторой ситуации: *решение*, *приказ*, *просьба*, *приглашение* и др. Данные существительные являются предикатами, имеющими семантические валентности, соответствующие

¹ Следует отметить, что в пользу данного подхода свидетельствует также отмечаемый для ряда языков параллелизм между *wh*-передвижением в Spec, CP и *neg*-передвижением в Spec, NegP. Так, в осетинском языке *wh*-конфигурации и отрицательные конфигурации обнаруживают следующие общие свойства: локализация в предглагольной позиции; множественное передвижение; эффекты превосходства при множественных *wh*- и *neg*-местоимениях; невозможность одновременного выражения вершины и спецификатора (ср. Doubly filled Comp Filter в [Chomsky, Lasnik, 1977] и его обобщение в [Koopman, 2000]). Более того, поскольку в осетинском языке форма сентенциального отрицания различается в индикативе и неиндикативных наклонениях (*нæ* vs. *ма*), можно установить, что отрицательные местоимения согласуются с вершиной Neg (ср. *ничи* vs. *мачи* 'никто') [Lyutikova, Tatevosov, 2009].

участникам ситуации. Например, в (4) видно, что у существительного *отказ* есть две валентности: ‘кто отказался’ и ‘от чего отказался’.

- (4) *Отказ властей от полноценной индексации пенсий в этом году означает признание неспособности государства выполнять социальные обязательства.* (Яндекс)

Среди ситуационных существительных существует класс предикатов, который способен оформлять одну из своих валентностей, ситуационную, инфинитивным оборотом. К таким существительным относятся *решение, требование, стремление, договоренность, приглашение* и др.¹ В (5) показан пример такого существительного с актантным инфинитивным оборотом.

- (5) [*Стремление США [окружить Китай военными базами], поддержка независимости Тайваня, а также военное сотрудничество с Индией подталкивают Пекин к ответным мерам.* (НКРЯ)]

В статье Е.А. Лютиковой рассматриваются наиболее частотные коллокации, в которых ситуационные существительные выступают дополнением глагола [Лютикова, 2010]. Например, для существительного *решение* наиболее часто встречается сочетание *принять / принимать решение*, а для существительного *согласие* – *давать / получать согласие*. Отмечается, что частотность именно этих глаголов неслучайна: глаголы-коллокаты выражают при существительных определенные лексические функции (в терминах модели «Смысл – Текст»). Глаголы в данном случае выступают в качестве «лексических оформителей синтаксических связей» [Мельчук, 1999, с. 81], т.е. дают возможность построить синтагму, в которой и само ситуационное существительное, и его актанты могут выступать актантами глагола, но при этом сочетание глагола с ситуационным существительным обозначает ту же ситуацию, что и само существительное.

Показано, что в подобных конструкциях категориальный статус группы существительного может быть различным. Приводятся аргументы в пользу того, что именные группы, возглавляемые существительным с ситуационной семантикой и имеющие при себе актантный инфинитивный оборот, могут иметь как статус собственно группы существительного (NP), так и статус группы определителя (DP) [Лютикова, 2010].

¹ Более полный список таких существительных, а также список существительных, не присоединяющих актантный инфинитивный оборот, см. [Лютикова, 2010].

Первое различие проявляется в том, что извлечение составляющих из актантного инфинитивного оборота, зависящего от ситуационного существительного, возможно только в том случае, когда возглавляемая существительным именная группа входит в состав коллокации и имеет статус NP.

(6) *Одна из дам, которых он отдал [приказ [скинуть с поезда **которых**]], оказалась американкой.* [Лютикова, 2010]

Как видно из (6), извлечение относительного местоимения из инфинитивного оборота в конструкциях с ситуационным существительным оказывается возможным. Однако в случае, когда ситуационное существительное выступает аргументом полнозначного глагола и является референтным, попытка извлечения относительного местоимения из актантного инфинитивного оборота приводит к неграмматичности (7б). Неграмматичность (7б) связывается с невозможностью пересечения границы DP при выдвигении составляющих [Лютикова, 2010].

(7) а. *Очередной день принес обозу [приказ **комбата** [занять-таки **больницу**]].*

б. *... *больница, которую очередной день принес [приказ **комбата** [занять **которую**]].* [Лютикова, 2010]

Второе отличие конструкций с NP от конструкций с DP состоит в том, что только конструкции с NP допускают согласование различных адъективных компонентов в составе равносубъектного инфинитивного оборота с подлежащим главной клаузы. В примере (8) показано, что граница DP оказывается непроницаемой для падежного согласования. Даже при соблюдении такого условия, как кореферентность номинативного подлежащего главной клаузы и субъекта инфинитивного оборота, приписывание плавающему определителю *сам* номинатива оказывается невозможным [Babby, 1998]. В (9) употребляется ситуационное существительное в составе коллокации *получить приказ*, и мы видим, что барьера для согласования подлежащего главной клаузы и плавающего определителя *один* в составе инфинитивного оборота не возникает.

(8) *Теперь я прошу простого [права [решать свою жизнь **самоу**/***сам**]]!* (Хоботов; х/ф «Покровские ворота»)

(9) *После сурового выговора от отца Нергал получил [приказ [отправляться в Нижний мир **один**, вооруженный лишь советами родителя]].* [Лютикова, 2010]

«Прозрачность» конструкций с NP проявляется также в проницаемости границы именной группы для лицензирования отрицательных местоимений. Как показано в работе Е.В. Корнаковой, в коллокациях с ситуационными существительными грамматичны отрицательные местоимения в актантном инфинитивном обороте при условии наличия отрицания в главной клаузе [Корнакова, 2015]:

- (10) а. *Вернее, пропись существует, но она еще не опробирована, и мы не имеем права **никого** им потчевать.* (НКРЯ)
- б. *Впереди бесконечно повторялись совершенно похожие друг на друга песчаные холмы, не давая возможности **ничего** видеть.* (НКРЯ)
- в. *Жалости было мало: после боя он не испытывал ни малейшего желания **никого** защипать.* (НКРЯ)

Таким образом, конструкции с ситуационными существительными представляют собой удобный контекст для проверки гипотезы о (не)зависимости лицензирования отрицанием различных грамматических феноменов, в частности, GenNeg и отрицательных местоимений. Во-первых, ситуационные существительные в коллокациях располагаются в таких структурных позициях, что могут получать GenNeg: это позиция внутреннего аргумента при переходном или неаккузативном глаголе, который вне отрицания выступает в номинативе или аккузативе, т.е. в «прямом» падеже [Babby, 1985; Testelets, 2013; Лютикова, Тестелец, 2013]. Во-вторых, как было показано выше, ситуационные существительные, выражая одну из своих валентностей инфинитивным оборотом, не образуют барьера, через который было бы невозможно синтаксическое взаимодействие. Поскольку ситуационные имена в коллокациях могут иметь статус группы лексического существительного (NP), которая в русском языке не является ограничивающей категорией, лицензирование отрицательных местоимений через такой узел оказывается возможным. Это условие является важным, поэтому для наших целей не подходят случаи, когда существительные присоединяют актантный инфинитивный оборот, но употребляются вне коллокаций. В последнем случае лицензирование отрицательных местоимений невозможно:

- (11) а. *Среди обстоятельств, которые могут повлиять на желание выпускников остаться в своем городе, самым существенным оказалось наличие высокооплачиваемой работы.* (НКРЯ)
- б. **Эти обстоятельства не повлияли на желание выпускников **никуда** уехать.*

- в. *Они согласились с решением Касьянова передать функции по банкротству российских предприятий Федеральной службе по финансовому оздоровлению.* (НКРЯ)
- г. **Они не согласились с решением Касьянова передать **никакие** функции Федеральной службе по финансовому оздоровлению.*

Невозможно также лицензирование отрицательных местоимений, если ситуационное существительное имеет зависимые уровни DP; ср. (12а), где группа ситуационного существительного имеет статус NP, и (12б), где наличие препозитивного притяжательного местоимения превращает соответствующую именную группу в DP, что становится барьером для лицензирования отрицательных местоимений.

(12) а. *Он не получил разрешения **ничего/что-либо** строить.*

б. *Он не получил мое разрешение ***ничего/что-либо** строить.*

Итак, контекст для проверки гипотезы о (не)зависимости лицензирования GenNeg и отрицательных местоимений выглядит как (13):

(13) *Компания не получила [_{NP} разрешения/разрешение [_{INF} ничего строить]].*

В (13) используется глагол, выражающий лексическую функцию при ситуационном существительном – дополнении. Ситуационное существительное, в свою очередь, имеет зависимый инфинитивный оборот. Для того чтобы проверить, существует ли зависимость между лицензированием генитива отрицания и лицензированием отрицательных местоимений, составим предложения так, чтобы внутри инфинитивного оборота употреблялось отрицательное местоимение, а ситуационное существительное было представлено в двух падежных вариантах: в генитиве или в аккузативе/номинативе. В том случае, если GenNeg и отрицательное местоимение лицензируются независимо, мы не ожидаем увидеть разницу в оценках между этими вариантами. При наличии взаимосвязи между лицензированием генитива отрицания и отрицательных местоимений обнаружится разница в грамматической приемлемости между предложениями с генитивом и предложениями с аккузативом/номинативом.

4. Эксперимент

При составлении экспериментальных предложений в качестве модели использовалась конструкция в (13). Список ситуационных существительных, присоединяющих инфинитивный оборот, был составлен

на основе списка, предложенного в статье Е.А. Лютиковой: *решение, требование, стремление, договоренность, приглашение, право, обязанность, обязательство, согласие, искушение, отказ, позволение, разрешение, способность, предложение, обещание, просьба, соглашение, жажда, боязнь, намерение, соблазн, желание, привычка, умение, предлог, повод, причина, резон, шанс, мысль, идея, план, цель* [Лютикова, 2010]. Изначально мы включали в список только те ситуационные существительные, у которых формы генитива единственного числа и аккумулятива множественного числа не совпадают, чтобы избежать неправильной интерпретации существительного в генитиве как формы аккумулятива (как, например, у существительных *искушение, разрешение, желание*). С этой целью прежде всего были отобраны существительные мужского рода, т.к. у них отсутствует омонимия форм генитива единственного числа и аккумулятива множественного. Однако их количество оказалось небольшим, поэтому было решено использовать и существительные с омонимией. Предложения для них, однако, составлялись так, чтобы исключить возможность множественного числа ситуационного существительного (о факторах, благоприятствующих и препятствующих образованию формы множественного числа для имен ситуаций, см. [Пазельская, 2006]).

В результате был получен набор из 19 существительных. Каждому существительному был сопоставлен глагол, который образует с ним коллокацию и присоединяет его в качестве внутреннего аргумента – прямого дополнения или подлежащего (для этих целей был дополнен перечень коллокаций Е.А. Лютиковой [Лютикова, 2010]). Полученный список представлен в (14).

- (14) *строить планы, возник соблазн, возникла идея, возникла мысль, проявлять стремление, получить разрешение, ставить цель, принять решение, выразить желание, отдать приказ, просить позволение, найти предлог, иметь право, получить согласие, нести обязанность, дать разрешение, получить приглашение, дать обещание, дать повод*

Для каждой коллокации был составлен экспериментальный блок с двумя предложениями: одно предложение с существительным в генитиве, другое – с существительным аккумулятиве или номинативе. В итоге стимульный материал эксперимента состоял из 38 предложений, т.е. из 19 экспериментальных блоков. Примеры полученных предложений приведены в (15)–(16).

- (15) а. *Петя не выразил желания ни с кем общаться.*
 б. *Петя не выразил желание ни с кем общаться.*
- (16) а. *Писатель не дал разрешения ничего публиковать.*
 б. *Писатель не дал разрешение ничего публиковать.*

В качестве экспериментальной методики была выбрана методика определения грамматической правильности предложения. Респондентов просили оценить каждое предложение из опросного листа с точки зрения грамматической правильности, используя шкалу от 1 до 5 (где 1 – «так сказать невозможно», 5 – «так сказать правильно»). Опросник заполнили 23 человека в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст – 20 лет).

Полученные результаты показали, что для каждого предложения оценки носителей сильно разнятся: нет примеров, которые бы все носители оценили на «5», как и нет примеров, которым бы все носители поставили оценку «1». Приведем гистограммы для некоторых примеров, показывающие, как отличались суждения респондентов друг от друга (рис. 1, 2).

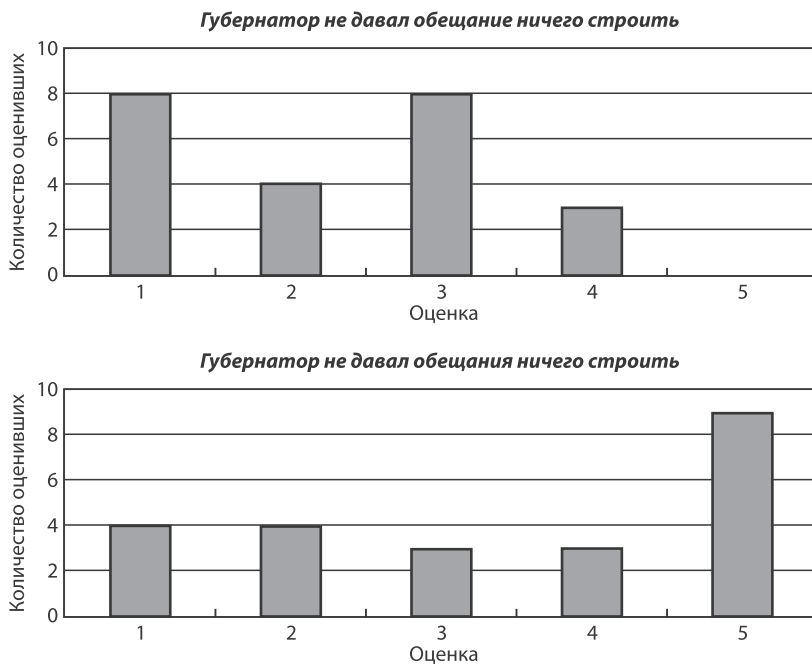

Рис. 1. Гистограммы результатов для коллокации «давать обещание»

На рисунке 1 видно, что для предложения с генитивом оценки респондентов различаются, хотя оценка «5» является наиболее частотной. Предложение, в котором в составе данной коллокации ситуационное имя стоит в аккумулятиве, ни один информант не оценил на «5». Всего коллокаций с подобным распределением оценок оказалось три. Две другие коллокации — «строить планы» (17) и «иметь право» (18).

(17) а. *Она не строила планов никому ехать.*

б. *Она не строила планы никому ехать.*

(18) а. *Постовой не имеет права никому отлучаться.*

б. *Постовой не имеет право никому отлучаться.*

На рисунке 2 показаны гистограммы для коллокации «получить приглашение». Видно, что распределение оценок напоминает нормальное распределение, однако у предложения с аккумулятивом оценки смещены в сторону оценки «1», а у предложения с генитивом – в сторону оценки «5».

Рис. 2. Гистограммы результатов для коллокации «получить приглашение»

Таблица 1

**Средние оценки для предложений с генитивом
и предложений с номинативом/аккузативом**

Оценка	№ стимула																		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Оценка для Gen	3,4	3,6	4	3	3,6	2,8	2,9	3,5	3,5	2,9	3,2	3,2	3,3	3,3	3,2	2,9	3,4	3,3	3
Оценка для Acc/Nom	2,7	3	3,3	2,6	2,9	2,3	2,4	3,1	3	2,8	2,6	2,6	2,6	2,8	2,9	2,6	2,3	3	2

Оценки для прочих коллокаций демонстрировали достаточно высокую дисперсию как при условии генитива, так и при условии аккузатива/номинатива ситуационного существительного, поэтому было принято решение оценивать грамматическую приемлемость по средним оценкам для каждого предложения. В таблице 1 во второй строке представлены усредненные оценки, поставленные респондентами каждой из 19 коллокаций, где ситуативное существительное стоит в генитиве. В третьей строке представлены усредненные оценки для коллокаций, в которых существительное употреблялось в форме аккузатива/номинатива. Средние оценки для генитива во всех случаях оказались выше средних оценок для аккузатива / номинатива.

Было решено проверить с помощью статистических методов, является ли отличие средних оценок значимым. Из таблицы 1 мы видим, что средние оценки для генитива во всех случаях оказались выше средних оценок для аккузатива/номинатива, т.е. использование генитива повышает приемлемость предложений с отрицательным местоимением. Поскольку все сдвиги были в одном («типичном») направлении, дополнительно учитывать интенсивность сдвигов (и использовать Т-критерий Вилкоксона) нет необходимости. Критерий знаков в данном случае обладает достаточной силой и показывает значение статистики $Z = 4,129$, $p = 0,000036 < \alpha = 0,05$ (подсчеты осуществлялись при помощи статистического пакета STATISTICA 10). Следовательно, гипотеза об однородности выборок должна быть отвергнута, и отличие средних оценок для предложений с генитивом от средних оценок предложений с аккузативом/номинативом неслучайно.

5. Обсуждение

Итак, пилотный эксперимент показал зависимость между лицензированием генитива отрицания и лицензированием отрицательных местоимений: оценки предложений с отрицательным местоимением значимо выше в случае генитива ситуационного существительного, чем в случае аккузатива/номинатива. При этом, однако, как видно из таблицы 1, оценки не достигают максимальных даже в конструкциях с генитивом.

Для интерпретации эмпирических данных в таблице 1 следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, даже в том случае, если между инфинитивным оборотом и отрицанием в главной клаузе вообще нет никаких именных проекций, лицензирование отрицательных местоимений возможно далеко не всегда. Е.В. Падучева отмечает, что «при отрицании в подчиняющей пропозиции, т.е. “при высоком” отрицании, ни[-местоимения] возможны иногда...» [Падучева, 2014, с. 496] и приводит следующую пару примеров:

(16) а. *Он не хочет ничего менять.*

б. **Он не был расположен выслушивать никакие оправдания.*

В работе А.А. Герасимовой на основе корпусных и экспериментальных данных показано, что лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивном обороте связано с семантическим классом матричного предиката [Герасимова, 2015]. В частности, при эмотивных предикатах и предикатах косвенного вопроса отрицание в главной клаузе не лицензирует отрицательные местоимения в актантном инфинитивном обороте, а при имплицативных, дезидеративных и манипулятивных предикатах такое лицензирование происходит. Герасимова связывает этот факт с количеством функциональной структуры в инфинитивном обороте при разных классах матричных предикатов. Понятно, что если это предположение верно, то те же ограничения на лицензирование отрицательных местоимений будут иметь место и в конструкциях с ситуационным существительным и глаголом-лексической функцией: в зависимости от семантического класса матричного предиката отрицание будет или не будет лицензировать отрицательные местоимения в отрицательном обороте. И действительно, в примерах с модальным (*иметь право*) и дезидеративным (*выразить желание*) предикатами оценки выше, а в коллокациях с ситуационными существительными, обозначающими эмоции, отрицательные местоимения в инфинитивном обороте затруднены (**Он не испытывает радости никуда ехать*).

Во-вторых, следует иметь в виду, что на положительный сдвиг оценочности могла повлиять и более высокая приемлемость конструкций с генитивом ситуационного существительного вне лицензирования отрицательных местоимений. По меньшей мере, для некоторых экспериментальных предложений генитив под отрицанием близок к обязательному (ср. *Он не просил позволения уехать* vs. *??Он не просил позволение уехать*). Следовательно, необходимо оценить положительный сдвиг в приемлемости предложений с отрицательными местоимениями на фоне оценок предложений с аккузативом/нominативом и генитивом ситуационного существительного в отсутствие отрицательного местоимения. Представляется, что подобное исследование позволит существенно повысить доказательность полученных в пилотном эксперименте результатов.

Возвращаясь к грамматическим механизмам, стоящим за положительным сдвигом оценок, следует отметить, что «эффект генитива» может получать как минимум два объяснения. С одной стороны, как мы и предположили ранее, требование генитива для «пропуска» отрицания через именную группу может быть связано собственно с механизмом

лицензирования отрицанием различных грамматических феноменов. Если лицензирование предстает как согласование по «отрицательности»¹, то значение этого признака у составляющих одной локальной области должно совпадать, и лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивном обороте может происходить только одновременно с приписыванием генитива отрицания ситуационному существительному. Таким образом, связь лицензирования отрицательных местоимений с генитивом отрицания можно рассматривать как свидетельство в пользу подхода Л. Хегман и считать «согласование по отрицательности» дополнительным условием для проницаемости границы составляющей.

С другой стороны, можно посмотреть на взаимосвязь генитива ситуационного существительного и лицензирования отрицательных местоимений в инфинитивном обороте иначе. Многие синтаксические и формально-семантические работы связывают «квантитативный», или «количественный» генитив, в том числе и генитив отрицания, с предикатной (property-type, <e,t>) интерпретацией именной группы, которая, в свою очередь, характерна для группы общего имени, или группы лексического существительного (NP) [Pesetsky, 1982, 2013; Partee, Borschev 2004; Bailyn, 2004; Borschev et al., 2008; Kagan, 2005, 2012; Добрушина, 2011; Harves, 2013]. Если эта связь семантического типа и генитива действительно имеет структурную синтаксическую репрезентацию (генитив – падеж NP), то в таком случае связь между генитивом ситуационного существительного и лицензированием отрицательных местоимений в инфинитивном обороте может объясняться противопоставлением именных групп полной структуры (DP) и именных групп малой структуры (NP). Генитив ситуационного существительного означает отсутствие оболочки DP и отсутствие барьера для лицензирования отрицательных местоимений; аккузатив/номинатив ситуационного существительного – присутствие DP и непроницаемость данной составляющей для лицензирования отрицательных местоимений. Выбор между этими альтернативами, на наш взгляд, должен послужить предметом дальнейших исследований.

¹ Конкретная интерпретация признака «отрицательности» и его грамматическая реализация на составляющих разных категорий может различаться: так, это может быть неререферентность именной группы, выражаемая генитивом; неререферентность клаузы, выражаемая сослагательным наклонением и, возможно, несовершенным видом в инфинитиве; отрицательная полярность местоимений, выражаемая показателями серий *ни-*, *-либо*, и т.п.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. [Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation, Event, Fact]. Moscow, 1988.]

Арутюнова, Ширяев, 1983 – Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983. [Arutyunova N.D., Shiryaev E.N. Russkoe predlozhenie. Byitiyniy tip (struktura i znachenie) [The Russian sentence. An existential type (structure and meaning)]. Moscow, 1983.]

Герасимова, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции «ТМП 2015». Вып. 2 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга и М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Licensing negative pronouns in Russian infinitives. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP 2015»*. Vol. 2. E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko (ed.). Moscow, 2015. Pp. 47–61.]

Добрушина, 2011 – Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в относительных придаточных с союзом *который* // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2011. № 6. С. 69–83. [Dobrushina N.R. The Subjunctive in relative clauses with the conjunction “kotoriy”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2011. № 6. Pp. 69–83.]

Корнакова, 2015 – Корнакова Е.В. Лицензирование генитива отрицания и единиц отрицательной поляризации в русских полипредикативных конструкциях. Курсовая работа. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. [Kornakova E.V. Litsenzirovanie genitiva otritsaniya i edinits otritsatel'noi polyarizatsii v russkikh polipredikativnykh konstruktivnykh [Licensing genitive of negation and negative pronouns in Russian biclausal constructions.]. Term thesis. Lomonosov Moscow State Univ., 2015.]

Логический анализ, 1990 – Логический анализ языка: Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990. [Logicheskii analiz yazyka: Tozhdestvo i podobie, sravnenie i identifikatsiya [Logical analysis of language. Equality and similarity, comparison and identification]. Moscow, 1990.]

Логический анализ, 1995 – Логический анализ языка: Истина и истинность в контексте разных культур. М., 1995. [Logicheskii analiz yazyka: Istina i istinnost' v kontekste raznykh kul'tur [Logical analysis of language. Truth and truth-value in culture and language]. Moscow, 1995.]

Логический анализ, 2005 – Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка. М., 2005. [Logicheskii analiz yazyka: Kvantifikativnyi aspekt yazyka [Logical analysis of language. Quantitative aspect of the language]. Moscow, 2005.]

Логический анализ, 2009 – Логический анализ языка: Ассерция и негация. М., 2009. [Logicheskii analiz yazyka: Assertsiya i negatsiya [Logical analysis of language. Assertion and negation]. Moscow, 2009.]

Лютикова, 2010 – Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76. [Lyutikova E.A. Towards the Question of Categorical Status of Noun Groups in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2010. № 6. Pp. 36–76.]

Лютюкова, Тестелец, 2013 – Лютюкова Е.А., Тестелец Я.Г. Родительный падеж при отрицании и расщепленные конструкции со значением количества в русском языке // Логический анализ языка: числовой код / Под ред. Н.Д. Арутюновой, С.Ю. Бочавер. М., 2013. С. 22–35. [Lyutikova E.A., Testelets Ya.G. Genitive of negation and split quantifier phrases in Russian. *Logicheskii analiz yazyka: chislovoi kod*. N.D. Arutyunova, S.Yu. Bochaver (ed.). Moscow, 2013. Pp. 22–35.]

Мельчук, 1999 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1999. [Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst» [An Attempt at a Theory of "Meaning – Text" Linguistic Models]. Moscow, 1999.]

Падучева, 1974 – Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974. [Paducheva E.V. O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka [On semantics of syntax. Materials to transformational grammar of the Russian language]. Moscow, 1974.]

Падучева, 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985. [Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [An utterance and its correlation with reality. Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, 1985.]

Падучева, 1992 – Падучева Е.В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // Russian linguistics. 1992. Вып. 16. С. 53–63. [Paducheva E.V. On the Semantic Approach to Syntax and the Genitive Subject of the Verb *byt*. *Russian linguistics*. 1992. Vol. 16. Pp. 53–63.]

Падучева, 1997 – Падучева Е.В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116. [Paducheva E.V. Genitive of Subject in a negated sentence: syntax or semantics? *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. № 2. Pp. 101–116.]

Падучева, 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. [Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, 2004.]

Падучева, 2006 – Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–44. [Paducheva E.V. Genitive of Object in negative sentences. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2006. № 6. Pp. 21–44.]

Падучева, 2013 – Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. [Paducheva E.V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Negative sentence in Russian]. Moscow, 2013.]

Падучева, 2014 – Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидикативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М., 2014. С. 489–505. [Paducheva E.V. Suspended assertion and nonveridicality. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 4–8 iyunya 2014 g.)*. Vol. 13 (20). Moscow, 2014. Pp. 489–505.]

Пазельская, 2006 – Пазельская А.Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дис... канд. филол. наук. М., 2006. [Pazel'skaya A.G. Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii: na materiale

russkogo yazyka [Verb-to-noun category inheritance: evidence from Russian]. PhD dis. Moscow, 2006.]

Рахилина, 2008 – Объектный генитив при отрицании в русском языке / Под ред. Рахилиной Е.В. М., 2008. [Ob'ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom yazyke [Object genitive of negation in Russian]. Rakhilina E.V (ed.). Moscow, 2008.]

Санников, 1989 – Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989. [Sannikov V.Z. Russkie sochinitel'nye konstruktssii: semantika, pragmatika, sintaksis [Russian coordinating constructions: semantics, pragmatics, syntax]. Moscow, 1989.]

Урысон, 2000 – Урысон Е.В. Русский союз и частица «и»: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 64–82. [Uryson E.V. The Russian conjunction and particle *i* 'and': structure of meaning. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2000. № 3. Pp. 64–82.]

Babby, 1985 – Babby L. Prepositional quantifiers and the direct case condition. *Issues in Russian morphosyntax*. M. Flier, Richard D. (eds.). Brecht. Columbus, Ohio, 1985. P. 91–117.

Babby, 1998 – Babby L. Subject control as direct predication. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Connecticut Meeting*. Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Ann Arbor, 1998. P. 17–37.

Bailyn, 2004 – Bailyn J. The case of Q. *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. O. Arnaudova, W. Browne, M.L. Rivero, D. Stojanovic (eds.). Vol. 12. The Ottawa Meeting 2003. Ann Arbor, 2004. P. 1–35.

Baker, 1970 – Baker C. Double negatives. *Linguistic Inquiry*. 1970. Vol. 1. P. 169–186.

Borschev et al., 2008 – Russian genitives, intensionality, and the property-type hypothesis. Borschev V., Paducheva E., Partee B. et al. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Stony Brook Meeting 2007 (FASL 16)*. A. Antonenko et al. (eds.) Ann Arbor, 2008. Pp. 48–67.

Bošković, 2008 – Bošković Ž. On two types of negative constituents and negative concord. *Proceedings of FDSL 6.5*. Frankfurt am Main, 2008. Pp. 9–35.

Bošković, 2009 – Bošković Ž. Licensing Negative Constituents and Negative Concord. *Proceedings of NELS 38 Amherst*. MA. Pp. 101–114.

Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford, CA, 1999.

Brown, 1996 – Brown S. The syntax of negation in Russian. Ph.D. thesis. Bloomington, 1996.

Brown, Franks, 1995 – Brown S., Franks S. Asymmetries in the scope of Russian negation. *Journal of Slavic Linguistics*. 1995. Vol. 3. № 2. Pp. 239–287.

Büring, 2005 – Büring D. Binding theory. Cambridge, 2005.

Chomsky, Lasnik, 1977 – Chomsky N., Lasnik H. Filters and control. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. Pp. 425–504.

Giannakidou, 1998 – Giannakidou A. Polarity Sensitivity as (Non)Veridical Dependency. Amsterdam, 1998.

Giannakidou, 1997 – Giannakidou A. The Landscape of Polarity Items. PhD dis. Rijksuniversiteit Groningen, 1997.

Haegeman, 1995 – Haegeman L. The syntax of negation. Cambridge, 1995.

Harves, 2013 – Harves S. The genitive of negation in Russian. *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. № 12. P. 647–662.

Jespersen, 1922 – Jespersen O. *Language: Its Nature, Development, and Origin*. London, 1922.

Kagan, 2005 – Kagan O. Genitive case: A modal account. *Proceedings of YATL 21*. Y. Falk (ed.). Jerusalem, 2005. Pp. 1–21.

Kagan, 2012 – Kagan O. *Semantics of genitive objects in Russian: A study of genitive of negation and intensional genitive case*. New York – London, 2012.

Klima, 1964 — Klima E. Negation in English. *The structure of language*. J. Fodor, S. Katz (eds.). Prentice Hall, 1964. Pp. 246–323.

Koopman, 2000 – Koopman H. *The syntax of specifiers and heads*. London, 2000.

Ladusaw, 1996 – Ladusaw W. Negation and polarity items. *The Handbook of Contemporary Semantic Theory*. S. Lappin (ed.). Malden, 1996. Pp. 321–341.

Laka, 1990 – Laka I. *Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections*. PhD thesis. Cambridge, 1990.

Larson, 1988 – Larson R. On the double object construction. *Linguistic Inquiry*. 1988. Vol. 19. № 3. Pp. 335–391.

Lyutikova, Tatevosov, 2009 – Lyutikova E., Tatevosov S. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian. Paper presented at the international conference on Iranian languages (ICIL3), Paris, September 2009. URL: otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/clause_internal_left_edge_4.pdf, last accessed: 30.09.2016.

Mathieu, 2001 – Mathieu E. On the nature of French N-words. *UCL Working Papers in Linguistics 13*. C. Iten, A. Neeleman (eds.). 2001. P. 319–353.

Miestamo, 2005 – Miestamo M. Standard Negation. The Negation of the declarative verbal main clauses in a typological perspective. *Empirical approaches to language typology 31*. Berlin – New York, 2005.

Merchant, 2001 – Merchant J. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands and the Theory of Ellipsis*. Oxford, 2001.

Neeleman, van de Koot, 2002 – Neeleman A., van de Koot H. The configurational matrix. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. Pp. 529–574.

Partee, Borschev, 2002 – Partee B., Borschev V. Genitive of Negation and Scope of Negation in Russian Existential Sentences. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)*. J. Toman (ed.). Ann Arbor, 2002. P. 181–200.

Partee, Borschev, 2004 – Partee B., Borschev V. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure. *Semantics and linguistic theory. Proceedings 14*. K. Watanabe et al. (eds.). Ithaca, 2004.

Pereltsvaig, 2000 – Pereltsvaig A. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Philadelphia Meeting 1999*. T. King, I. Sekerina (eds.). Ann Arbor, 2000. P. 328–346.

Pesetsky, 1982 – Pesetsky D. *Paths and Categories*. Ph.D. dis. Cambridge, Mass., MIT, 1982.

Pesetsky, 2013 – Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge, Mass., 2013.

Progovac, 1988 – Progovac L. *A Binding Approach to Polarity Sensitivity*. Ph.D. Dis. University of Southern California, 1988.

Progovac, 1991 – Progovac L. Polarity in Serbo-Croatian: Anaphoric NPIs and Pronominal PPIs. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. P. 567–572.

Progovac, 1992 – Progovac L. Negative Polarity: A semantico-syntactic approach. *Lingua*. 1992. Vol. 86. P. 271–299.

Progovac, 1993 – Progovac L. Negative polarity: Entailment and binding. *Linguistics and Philosophy*. 1993. Vol. 16. P. 149–180.

Progovac, 1994 – Progovac L. Negative and Positive Polarity: A Binding Approach. Cambridge, 1994.

Progovac, 2000 – Progovac L. Coordination, C-Command, and ‘Logophoric’ N-Words. *Negation and Polarity: Syntactic and Semantic Perspectives*. L. Horn, Y. Kato (eds.). Oxford, 2000. P. 88–114.

Progovac, 2005 – Progovac L. A syntax of Serbian. Bloomington, 2005.

Testelefs, 2013 – Testelefs Ya.G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian. *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'*. 2013. T. 9. C. 126–143.

van der Wouden, 1994 – van der Wouden T. Negative Contexts. PhD dis. Groningen university, 1994.

van der Wouden, Zwarts, 1993 – van der Wouden T., Zwarts F. A Semantic Analysis of Negative Concord. *Semantics and Linguistic Theory (SALT) III*. U. Lahiri, A. Wyner (eds.). Ithaca, NY, 1993. Pp. 202–219.

Zanuttini, 1991 – Zanuttini R. Syntactic Properties of Sentential Negation: A Comparative Study of Romance Languages. PhD Dis. University of Pennsylvania, 1991.

Zanuttini, 1998 – Zanuttini R. Negation and clausal structure. A Comparative Study of Romance languages. *Oxford studies in comparative syntax*. New York, Oxford, 1998.

Zanuttini, 2001 – Zanuttini R. Sentential Negation. *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*. M. Baltin, C. Collins (eds.). Oxford, 2001. P. 511–535.

Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. PhD dis. Utrecht university, 2004.

Статья поступила в редакцию 06.11.2016

The article was received on 06.11.2016

Корнакова Елизавета Викторовна – студентка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Kornakova Elizaveta V. – Student at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; Researcher at Institute for Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education

E-mail: elsbeth525@mail.ru

Лютикова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института

современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Lyutikova Ekaterina A. – PhD in Philology; Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory of Institute of Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Гращенко Павел Валерьевич – кандидат филологических наук; старший преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет; научный сотрудник отдела языков Азии и Африки, Институт Востоковедения РАН

Grashchenkov Pavel V. – PhD in Philology; Senior Lecturer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Moscow State University of Education; Researcher, Department of Languages, Institute of Oriental Studies, RAS

E-mail: pavel.gra@gmail.com

А.Б. Летучий

Школа лингвистики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066, Москва, Россия

Согласование с сентенциальными актантами в адыгейском языке¹

В работе изучается необычное свойство конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке (для анализа взят материал бжедугского диалекта). Оно состоит в том, что сентенциальные актантами могут контролировать числовое согласование глагола, в то время как во многих языках такое согласование маргинально (английский) или невозможно вообще (русский).

Мы показываем, что возможность согласования в целом зависит от двух факторов:

- 1) синтаксической позиции сентенциального актанта;
- 2) его формального типа (формы глагола в придаточном предложении).

Однако согласование с сентенциальными актантами также сильно варьирует от одного информанта к другому.

Информанты, не допускающие согласование с сентенциальными актантами вообще или в определенном контексте, могут вместо этого использовать конструкции, напоминающие дистантное согласование. Эти примеры рассматриваются в последней части статьи.

Ключевые слова: сентенциальные актантами, согласование, адыгейский язык, синтаксическая позиция, иерархия доступности именных групп, полисинтетизм.

¹ Работа над статьей была бы невозможна без носителей адыгейского языка, работавших со мной в ходе экспедиции 2013 г. Кроме того, я исключительно благодарен коллегам, принимавшим участие в адыгейских экспедициях НИУ ВШЭ и РГГУ (в особенности П.М. Аркадьеву, К.А. Ершовой и Я.Г. Тестельцу). Наконец, мне хотелось бы поблагодарить двух анонимных рецензентов за критику, вопросы и замечания.

A.B. Letuchiy

School of Linguistics,
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, 105066, Russia

Agreement with complement clauses in Adyghe¹

In my paper, I will analyze a special feature of clausal complements in the Bzhedug dialect of Adyghe, a polysynthetic language of the West Caucasian family. While in many languages, clausal complements cannot trigger verbal agreement, in Adyghe, the matrix verb can bear plural agreement with a clausal complements, along with the default singular agreement. If there is a coordinate structure including several clausal complements, the agreement slot they correspond to can contain a plural marker. However, this is not obligatorily the case. I will discuss the conditions of this unusual agreement pattern.

I will show that the possibility of agreement depends on at least two syntactic parameters: namely, the syntactic position of the clausal complement and the morphological verb form which is used in the complement clause. Non-standard agreement is also subject to a significant inter-speaker variation. Sometimes speakers who do not allow agreement with clausal complements admit instead long distance agreement.

The most unexpected thing is that even if the complement clauses are marked with a (typically) non-argument suffix, they can control agreement. This points to the fact that neither the canonical view of the pronominal argument hypothesis, nor classical approaches to agreement, represented in many works on European languages is plausible for Adyghe. The data of this language must be accounted for in a perspective that regards verbal personal markers and verbal arguments as types of items, which are not isomorphic to each other and which both play role in the agreement marking.

Key words: clausal complements, agreement, Adyghe, syntactic position, accessibility hierarchy, polysynthesis.

¹ I am extremely grateful to the Adyghe native speakers who worked as language experts with participants of the field trip in 2013. I also thank my colleagues who took part in the expeditions (especially Peter Arkadiev, Ksenia Ershova and Yakov Testelets). Last but not least, I am thankful to the two anonymous reviewers for their critiques, questions and remarks.

1. Introduction

In the world's languages, verbs can, along with noun phrase (NP) arguments (e.g., *I know this story*), have clausal complements (*I know that Peter is here*). While nominal arguments represent the canonical argument type, clausal complements can be more or less like nominal arguments or like sentences (see [Noonan, 2007] for a comprehensive classification of CCs).

On the one hand, clausal complements across languages often demonstrate a number of nominal properties. For instance, some of CCs can become subjects of passive constructions (1)¹, or control some types of floating quantifiers, e.g., *samo po sebe* 'by itself' (2).

Russian:

- (1) *Mne by-l-o objavl-e-n-o*
 I.DAT² be-PST-SG.N announce-PARTCP.PASS.PST
čto poezdk-a ne sosto-it-sja.
 that trip-SG.NOM not occur-PRS.3SG-REFL
 'It was announced to me that the trip was canceled.'

- (2) *Sam-o po sebe prijatn-o čto on priexa-l-Ø.*
 self-N.SG. on own.DAT pleasant-PRED that he.NOM come-PST-SG.M
 'The fact that he came is pleasant by itself.'

On the other hand, in most languages clausal complements do not possess the whole set of typically nominal features. For instance, [Davies, Dubinsky, 2009; Delahunty, 1983] and others show that in English, clausal 'subjects' in fact do not show many typical subject properties.

Similarly, in Russian, clausal complements behave differently from NPs in many diagnostic contexts, including nominalization. Nominal arguments of verbs tend to be retained under nominalization of the verb form. The same is not necessarily true for clausal complements. [Letuchiy, 2012; Knjazev, 2014] show that in many cases, as in (4), they cannot be retained:

- (3) *Vyjasni-l-o-s' čto vinovat šofer-Ø.*
 turn.out-PST-SG.N-REFL that guilty.M.SG driver-SG.NOM
 'It turned out that the driver was guilty.'

¹ Note that the subject status of the clausal complement in (1) has itself to be checked, but this issue is beyond the scope of the present article.

² Abbreviations: ABS – absolutive agreement, ADV – adverbial marker, AP – antipassive, AUX – auxiliary, BEN – benefactive, CAUS – causative, COM – comitative, COND – conditional, COORD – coordination marker, DIR – directional marker, ERG – agreement with A' of transitive verbs, INF – infinitive, INS – instrumental, IO – indirect object agreement, LNK – linking element, LOC – locative, MSD – masdar, OBL – oblique case, OBLIQUE – default applicative marker, PARTCP – participle, PRS – present tense, POSS – possessive marker, PST – past tense, RE – refactive, REFL – reflexive, VN – deverbal noun.

- (4) **vyjasneni-e* *čto* *vinovat* *šofer-Ø*.
 turn.out.VN-SG.NOM that guilty.M.SG driver-SG.NOM
 Intended: ‘Turning out that the driver was guilty.’

The present paper focuses on one property of clausal complements in Adyghe: namely, their ability to control number agreement in the verb form. I will show that this property is not equally demonstrated by all clausal complements, but rather depends on their syntactic position and formal type.

The article is structured as follows. In Section 2, I show that clausal complements usually do not control agreement, though some exceptions exist. In Section 3 I sketch the relevant grammatical features of Adyghe. Section 4, central for the paper, focuses on agreement with complement clauses and the relevant factors, which facilitate or block it. In Section 5, constructions with long distance agreement are analyzed, which are sometimes used by native speakers as an alternative to agreement with CCs.

2. Absence of plural agreement in constructions with clausal complements

Control of agreement is one of the nominal features which are not characteristic of clausal complements. As a rule, a coordinate construction including two or more CCs cannot trigger plural predicative agreement (see, for instance, [Quer, 2008] for details and example (6) from Russian). In the Russian example (6) below, the plural variant is ungrammatical – the singular form must be chosen. By contrast, (5), where two nominal arguments are coordinated, either plural or singular is possible, but plural sounds definitely better:

- (5) *Mne* *nravj-at-sja/* *nrav-it-sja* *Petj-a* *i*
 I.DAT like-PRS.3PL-REFL/ like-PRS.3SG-REFL Petja-SG.NOM and
Vasj-a.
 Vasja-SG.NOM
 ‘I like Petja and Vasja.’
- (6) *Mne* *nrav-it-sja/* **nrajv-at-sja* *plava-t’* *i* *nyrja-t’*.
 I.DAT like-PRS.3SG-REFL/ like-PRS.3PL-REF swim-INF and dive-INF
 ‘I like swimming and diving.’

This can occur for various reasons, but in general, it is explained by the fact is that clausal complements are syntactically different from canonical (NP) arguments. For instance, CCs lack nominal categories, such as (in Russian) nominal number and case.¹ It seems that their absence

¹ This is why nominalizations in Russian are able to control agreement, though this option is restricted and in some contexts even impossible.

prevents the predicate from bearing plural agreement. On the other hand, the internal structure of CCs is also different from that of NPs: Davies and Dubinsky (2009) demonstrate the relation between the fact that CCs and NPs differ in the category of the head (N vs. V) and the syntactic organization and (im)possibility of agreement.¹

However, it turns out that the absence of agreement with sentential arguments is not universal. It has been noted that some languages, such as English, have constructions where plural clausal subjects control agreement.

- (7) *That he'll resign and that he'll stay in office seem at this point equally possible.* ([McCloskey, 1991, p. 564], cited by [Davies, Dubinsky, 2009, p. 123])

Usually these constructions are infrequent, compared to standard (non-agreeing) constructions. However, the very possibility of agreement shows that clausal complements (in languages like these) are closer to NPs than it may seem.

In my paper, I will show that in Adyghe (a language of West Caucasian group) CCs can control plural agreement, though its possibility is conditioned by a number of factors.

To analyze agreement with clausal complements, I will first list the positions that can theoretically trigger verbal agreement. Adyghe has four of them: A (Agent / active argument of transitive verbs), P (Patient / non-active argument of transitive verbs), IO (indirect objects of transitive and intransitive verbs – one verb form can have several IOs and contain several IO cross-reference markers) and S (Subject / the most privileged argument of intransitive verbs). Though the question of syntactic position of a sentential argument is much more complicated than for NPs, I will consider CCs which correspond to NPs as occupying one of these four positions.

3. General grammatical features of Adyghe

Before starting the analysis of clausal complements, relevant grammatical features of Adyghe have to be sketched. I will mention only two of them: polysynthetic verb forms and multiple agreement and the ergative alignment.

¹ In the Russian cases like (6), the different syntactic organization of clausal complements and NPs seems to be more important than the fact that CCs lack the category of case. This is obvious from the fact that clausal complements, marked with the pronoun *to* + the complementizer *čto* cannot control verbal agreement either, though their syntactic head – the pronoun *to* – is marked for case.

3.1. Polysynthetic verb forms

Adyghe is a polysynthetic language in terms of [Jelinek, 1984; Baker, 1996; Fortescue, 1994, 2007] and others. This means that many relations which cross-linguistically tend to be expressed in syntax (= with autonomous constituents), in Adyghe are moved to morphology and are coded inside the verb form.

The Adyghe verb form is organized in slots. In other words, most morphological markers, at least in the prefixal part of the verb form, have a fixed position with regard to each other and to the verbal root, and their mutual order does not correspond to the order of derivation or the relative scope (see, though, [Lander, 2012] for exceptions). For the reader's convenience, I provide here a complete list of slots showing in general words which grammatical meanings are encoded in each prefixal or suffixal slot.

The following example from Temirgoy Adyghe, taken from Lander (2012), shows that the verb form includes aspectual, temporal, modal, locative markers, valency change operators and agreement markers.

Temirgoy Adyghe:

(8) *Sə-qə-t-de-p-fə-r-a-ka-že-š'tə-k.*

1SG.ABS-DIR-1PL.IO-COM-2SG.IO-BEN-3SG.IO-3PL.A-CAUS-read:AP-AUX-PST

'They were making me read it to you together with us.'

[Lander, 2012]

The verb form in (8) contains an absolutive 1SG cross-reference marker *sə-* (slot -9 of the a directional prefix *qə-*; an oblique 1PL IO cross-reference marker *t-* introduced by the comitative applicative marker *de-*; an oblique 2SG IO cross-reference marker *p-* introduced by the benefactive applicative marker *fə-*; an oblique 3SG IO cross-reference marker *r-*; an oblique agent 3PL cross-reference marker *a-*; the causative marker *ka-*; the root *že-* 'read'; and a composed imperfective suffix *-š'tə-k*).

The structure of the noun is much simpler, as it is in most polysynthetic languages (see [Jelinek, 1986; Baker, 1995; Fortescue, 1994, 2007]). Typically, a noun includes case markers (though they can be omitted under the non-specific reading).

However, necessary to say, the base distinction in Adyghe is not between nouns and verbs, but rather between predicate and argument positions. If a word which we normally regard as a noun (e.g., 'teacher') occupies the predicate position ('He is a teacher'), it can take almost all markers which are usually referred to as 'verbal' in grammars (see, for example, [Rogava, Kerasheva, 1976]).

Table 1
Structure of the Adyghé verbal complex

Prefixes						
<i>Argument structure zone</i>						
	Directional prefix	Prefix referring to the temporal argument	Applicatives	Indirect object	Agent	<i>Pre-stem elements</i>
-9	-8	-7	-6	-5	-4	‘Dynamic’ prefix Optative -3 -2
Suffixes						
	Root	<i>Stem</i>			<i>‘Endings’¹</i>	
Causative	Root	Directional, inceptive, antipassive	Propositional operators	Plural	‘Dynamic’ suffix	Negation, illocutionary force, epistemic modality
-1	0	+1	+2	+3	+4	+5

¹ The difference between suffixes proper and “endings” is not important for the purposes of this article; see [Smeets, 1984, pp. 206, 282-287].

3.2. Ergative alignment

Adyghe is an ergative language: both the system of cross-reference markers and nominal case affixes follow the ergative pattern (see [Kumakhov et al., 1996] for details, and [Letuchiy, 2012] for the analysis of ergativity in the Adyghe valency change patterns). The case ending of A of transitive verbs is *-m* (see *č'alem* 'boy' in (9), while both P of transitive verbs (*pšašer* 'girl' in (9)) and S of intransitive verbs (*pšašer* 'girl' in (10) and *č'alem* 'boy' in (11)) are marked with *-r*.

However, Adyghe cannot be regarded as a canonical ergative language: the ergative case has a broader range of functions than in many other ergative languages. The suffix *-m* (ergative) is used not only for transitive subjects (agents), as in (9), but also for indirect objects, certain adverbials, and adnominal possessors. In example (11), it marks an indirect object ('girl') of the intransitive verb *bewən* 'kiss'.¹ This is why, throughout the article, we term what has been traditionally called 'ergative' with another term 'oblique' and gloss it as OBL.

(9) *Č'ale-m pšašer-Ø-ə-lək^Wə-κ.*
 boy-OBL girl-ABS 3SG.ABS-3SG.A-see-PST
 'The boy saw the girl.' (transitive verb)

(10) *Pšašer-Ø-ma-k^We.*
 girl-ABS 3SG.ABS-DYN-go
 'The girl goes.' (intransitive verb)

(11) *Č'ale-r pšašer-m Ø-Ø-je-bewə-κ.*
 boy-ABS girl-OBL 3SG.ABS-3SG.IO-OBLIQUE-kiss-PST
 'The boy (intransitive subject, absolutive) kissed the girl (IO, oblique).'

3.3. Complementation in Adyghe

The system of complementation in West Caucasian is described by [Serdobol'skaja, Motloxov, 2009] for the Temirgoy dialect of Adyghe and [Ershova, 2012] for Besleney Kabardian, a Kabardian dialect which is in many respects intermediate between Adyghe and Kabardian. However, the issue of agreement is not thoroughly described in any of these studies. In my paper, I will use examples from the Bzhedug dialect of Adyghe. This

¹ Note that the classes of transitive and intransitive verbs in Adyghe are not always isomorphic from these classes in European languages. Importantly, these two classes can mainly be distinguished on the morphological (cross-reference) basis. In (11), it is crucial that the patient (the 'indirect object') of 'kiss' is not marked in the same way as the 'direct object' of 'see' in (9), as well as verbs with high semantic transitivity such as 'kill'.

dialect is in many respects different from Standard Adyghe, which is based on the Temirgoy dialect. The study is based on data elicited from during the field trip organized by the Higher School of Economics and Russian State University for Humanities in 2014.

In Bzhedug Adyghe, the following strategies of complementation have been analyzed and are used throughout the article (they correspond ones listed by Ershova in her description, the most detailed for West Caucasian languages, though some syntactic properties can differ between the two language varieties):

Factive complementation prefix *zere-*.

Potential / future / masdar marker *-n*.

Potential / future / masdar marker *-n* + suffix *-ew*.

Potential / future / masdar marker *-n* + suffix *-že*.

Conditional marker *-me*.

The first strategy differs from others in that it has a rather narrow specialization: *zere-* is mainly used with factive verbs like *šen* ‘know’.

I do not consider the distribution of the three other strategies. In any case, I will concentrate on number marking on emotional complement-taking predicates, such as ‘be afraid’, ‘be good’. Some of them are factive (such as ‘be surprised’ or ‘be good’), while others are non-factive (like ‘be afraid’). The precise distribution of these strategies is beyond the scope of the present paper.

The main function of the conditional marker *-me* is to mark adverbial (more specifically, conditional) clauses. However, it is equally used in complement clauses, where it marks that the whole situation is unreal, as in (12):

- (12) *deβʷə* *s-jə-nebžʷeβʷə-xe-r* *qa-kʷe-xe-me*.
 good 1SG-POSS-friend-PL-ABS DIR-go-PL-COND
 ‘It would be good if my friends came.’

4. Agreement with complement clauses

In what follows, I describe possibilities of agreement with complement clauses. In Adyghe, the verb agrees with its A and P (if it is transitive), S (if it is intransitive) and every indirect / oblique object in the oblique case it has. Notably, base verbs cannot have an indirect object. All indirect objects, marked with the oblique (traditionally, ergative) case are introduced by a special prefix. There are many morphological devices that add an indirect object to the verb valency (I call all of them applicatives): here belong, for instance, locative prefixes, benefactive and malefactive, inadvertitive (accidental action) marker *-?ečʷe*, and so on, as well as the non-specialized applicative, marked with *je-*. Even those indirect objects which are tightly

integrated into the verbal semantics must be introduced by an applicative: here belong, for instance, IO of verbs of giving like *jetən* ‘give’. Many verbs of physical contact, such as *jebewən* ‘kiss’, which are transitive in standard average European languages, are intransitive in Adyghe. Their second argument is marked with the oblique case: thus, it is also an indirect object and is introduced by one of applicative devices (in this case, by the non-specialized applicative *je-*).

All the four positions triggering agreement (S, IO, P, A) are available for a complement clause. For instance, the causative verb *weš’ənen* ‘frighten’ has a complement clause in the A position (it is clear from the fact that the causative always introduces a causer in the A position). With the verb *š’eš’hənen* ‘fear, be afraid’ the complement clause occupies the IO position. The verb *šen* ‘know’ requires a complement clause in the P position. Finally, predicates like *deβwə* ‘(it is) good’ have an S complement clause. Thus, examples under analysis will include complement clauses in all of these positions. Note, though, that my judgments on the syntactic position of the complement clause are based on the analogy with an NP argument of the same verb, which is not always reliable. Thus, a claim like ‘The verb P has a complement clause in the position X’ means roughly ‘The verb P can have an NP argument in the position X, and we suppose the complement clause with the same semantic role to be situated in the same position X’.

However, it should be noted that the absolutive number agreement in the third person is sometimes ‘omitted’ even with NP arguments (see [Kumakhov et al., 1996]): with a plural NP in the absolutive (= S or P) position, singular absolutive agreement is found. This is why the data of oblique-marked (A and IO) arguments are more reliable in this respect and will be used throughout the article. The 3PL marker in the A and IO positions is *a-*, while 3SG is marked in the A position and remains unmarked in the IO position.

Like in many other languages, agreement in Adyghe is in number and person. Since complement clauses are always 3rd person by definition, the only domain where any variation can be found in the domain of complementation is number.¹ Thus, the main type of examples includes two coordinated complement clauses (e.g., ‘After the accident, I am afraid to run and to ride my bike’). Coordinate phrases of this sort always trigger plural agreement if NPs are coordinated:

¹ I do not consider here the opposition between complement clauses and adjunct clauses which do not control agreement at all. In my paper, all examples seem to contain complement clauses, syntactically parallel to argument NPs, which can control agreement with the same verb heads.

- (13) Č'ale-m-re pšāse-m-re haləḅ^{wə}-r q-a-š'ef-əḅ.
 boy-OBL-COORD girl-OBL-COORD bread-ABS DIR-3PL.ERG-buy-PST
 'The boy and the girl bought some bread.'

Example (13) shows the possibility of agreement with sentential arguments:

- (13a) se mašəne-r s-fə-n-ew-jə parašwətə-m
 I car-ABS 1SG-lead-MSD-ADV-LNK parachute-OBL
 sə-q-je-pč'exə-n-ew-jə s-a-š'e-š'həne/
 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-MSD-ADV-LNK 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-fear/
 sə-š'e-š'həne.
 1SG.ABS-LOC-fear
 'I am afraid of driving a car and jumping with a parachute.'

In the first variant of (13a), the plural cross-reference prefix *a-* in the indirect object slot shows the plurality of situations: 'jump with parachute' and 'drive a car'. In the second variant, the same slot is not filled (= filled by the 3SG zero marker).

It should be noted that the variant without plural agreement is the default one for Adyghe constructions with clausal complement. The absence of agreement rarely leads to ungrammaticality. By contrast, the (un)acceptability of examples with agreement seem to be regulated by two factors: (1) the verb form used in the clausal complement and (2) the syntactic position of the clausal complement. Both factors are addressed in the following sections.

4.1. Verb form in the clausal complement

The choice of the verb form in the embedded clause is relevant for agreement with CCs. For instance, in (14), the combination of the masdar marker *-n* with the adverbial suffix *-ew* makes either plural or singular agreement possible. In contrast, in (15), the native speaker judges the singular marking as impossible or awkward, because the instrumental case is chosen for CC marking.

- (14) se mašəne-r s-fə-n-ew-jə parašwətə-m
 I car-ABS 1SG-lead-MSD-ADV-LNK parachute-OBL
 sə-q-je-pč'exə-n-ew-jə s-a-š'e-š'həne/
 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-MSD-ADV-LNK 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-fear/
 sə-š'e-š'həne
 1SG.ABS-LOC-fear
 'I am afraid of driving a car and jumping with parachute.'

- (15) *se mašəne-r s-fə-n-ž'-jə parašwəṭə-m*
 I car-ABS 1SG-lead-MSD-INS-LNK parachute-OBL
sə-q-je-pč'exə-n-ž'-jə s-a-š'e-š'həne/
 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-MSD-INS-LNK 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-fear/
 **sə-š'e-š'həne*
 *1SG.ABS-LOC-fear
 'I am afraid of driving a car and jumping with parachute.'

Both variants of marking of the clausal complement in examples (14) and (15) are non-canonical in that the dependent verb is in a peripheral (non-argument) verb form (see the following remark on this type of cases). Canonically, since the matrix verb contains an applicative marker *š'e-*, introducing the stimulus of emotion, the stimulus participant must become an IO and be marked with the oblique case. This is the case in example (16), the most canonical one. Necessary to say, in these examples, plural agreement is almost always judged as acceptable (evaluation of the variant without agreement varies from one native speaker to another).

- (16) *se mašəne-r s-fə-nə-m-jə parašwəṭə-m*
 I car-ABS 1SG-lead-MSD-OBL-LNK parachute-OBL
sə-q-je-pč'exə-nə-m-jə s-a-š'e-š'həne/
 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-MSD-OBL-LNK 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-fear/
sə-š'e-š'həne
 1SG.ABS-LOC-fear
 'I am afraid of driving a car and jumping with parachute.'

A remark on peripheral marking of clausal complements

A remark should be made here on clausal complements. Serdobol'skaya and Motlokhov (2009) note that the marking of CCs in Adyghe can differ from NP marking with the same predicate (see also [Letuchiy, 2014; Schwabe, 2014] for the same phenomenon in German and other European languages).

Temirgoy dialect:

- (17) *sə-tje-fe-n-č'e/ sə-tje-fə-n-ew s-e-š'əne.*
 1SG.ABS-LOC-fall-POT-INS/ 1SG-LOC-fall- POT-ADV 1SG.ABS-DYN-be.afraid
 'I am afraid that I will fall.'
- (18) *tje-fe-nə-m sə-š'-e-š'əne.*
 LOC-fall-POT-OBL 1SG-LOC-DYN-be.afraid
 'I am afraid of falling.' [Serdobol'skaya, Motlokhov 2009: 524]

With the verb *š'ənen* 'be afraid', two variants are registered for Temirgoy: either the verb has an applicative marker, and the clausal complement

is marked with the oblique case, as in (18), or the verb has no applicative marker and the CC is marked by one of peripheral cases, which do not control cross-reference prefixes, as in (17). The situation is not the same with NP arguments of the same verb: if *š'ənen* 'be afraid' has a stimulus, expressed by an NP, this stimulus has to be introduced by the locative applicative marker *š'*, as in (19). No structure with an NP argument, parallel to (17), seem to exist:¹

- (19) *ha-m* *sə-š'-e-š'əne*.
 dog-OBL 1SG-LOC-DYN-be.afraid
 'I am afraid of the dog.'

In the Bzhedug dialect, a third variant is also possible with a complement clause: the verb contains an applicative marker, yet a peripheral (adverbial) case marker *-ew* is chosen (see example (20)):

- (20) *se* *sə-tje-fe-n-ew* *sə-š'-e-š'əne*.
 I 1SG.ABS-LOC-fall-POT-ADV 1SG.ABS-LOC-DYN-be.afraid
 'I am afraid of falling.'

Normally, at least in the NP domain, phrases marked by adverbial and instrumental cases do not control agreement. This gives additional support to the claim made by [Serdobol'skaya, Motlokhov, 2009] that the formal marking of clausal complements in Adyghe does not always correspond to their syntactic status. Even if a CC is marked with a non-argument marker, such as *-ew*, it can behave as a core argument (A, S, IO or DO) as soon as agreement is considered. However, this account does not explain what controls the agreement in examples like (20): the fact that the complement clause has some argument properties does not allow it to trigger agreement markers, which is only possible for absolutive-marked and oblique-marked argument clauses.

Examples like (20) can be given different accounts. One of possible ways is to suppose that applicativization always generates, along with the initial variant of the NP or CC, marked with a non-argument device, a second instance which is marked for the oblique case. Any of the the two instances can further be eliminated. If the peripheral instance is eliminated, this leads to a standard structure like (18) – however, elimination of the oblique-marked argument instance is also possible and leads to a non-standard structure in (20).

¹ It should be said, though, that with some verbs having an NP argument, parallel structures with and without an applicative may exist (though this seems to be an exception, rather than a rule). This is why I do not cite here an example, parallel to (16), as ungrammatical.

Another variant of analysis does not presuppose elimination of a copy of CC. We can just adopt the pronominal argument hypothesis, proposed by Jelinek (1984) and Baker (1996). It claims that in polysynthetic languages, cross-reference markers, and not NPs really function as arguments of the verb. Argumental NPs (or clause-like constituents, if we discuss CCs) rather have adjunct properties – in this sense, the choice of the marking for CCs is not entirely motivated by the verb form. However, I will show that the canonical pronominal argument analysis does not account for the differences between the formal types of complement clauses in their (in)ability to control verbal agreement.

The possibility of agreement sheds some light on the possible analysis of constructions with non-canonical marking. On the one hand, the radical variant of the pronominal argument hypothesis seems to be implausible – otherwise, agreement (im)possibility would not depend on the verb form in the clausal complement, but this is the case, as examples (14)–(16) show. On the other hand, the ‘copy’ hypothesis could in principle be accepted: the logical form contains a canonically-marked argument, which can afterwards be eliminated, the peripherally-marked argument being retained in the surface structure. However, this point of view is not irreproachable either: again, if it is the core-marked copy, which triggers the plural agreement, it remains unexplained why the possibility of agreement depends on the verb form in the peripherally-marked copy.

It seems most plausible to adopt a view, intermediate between the radical pronominal hypothesis and the treatment of agreement, adopted for SAE languages, where autonomous NP arguments seem to be **real** arguments of the verb. The Adyghe data in examples (14) through (16) show that agreement markers do not correspond ideally to the argument marking, but are not autonomous from it either.

Let us consider the nature of the two devices, opposed in (15) and (14) (the markers *-ǰ'e* and *-ew*) in more detail. The former bears many functions in the nominal domain: it marks many types of participants, especially with instrumental and locative roles. The latter mainly functions in the verbal (predicate) domain, where it marks dependent clauses and secondary predications, e.g., depictives.

It seems that this functional difference correlates well with the fact that *-ǰ'e*-complements control agreement more readily than *-ew*-complements. If it is true that *-ǰ'e* is regarded by native speakers as a nominal marker, it can exist in the same functional domain as the oblique case marker *-m*. As I mentioned before, the structure where clausal complements are marked with *-m*, as in (16), is canonical for Adyghe and usually agreement is possible there. The fact that *-ǰ'e* is a nominal marker, parallel to *-m*, may

allow the former to adopt the functional properties of the latter, for instance, to trigger verbal agreement. This is why plural agreement is possible (and sometimes preferred) by native speakers. Note that the precise mechanism in which *-ž'e* adopts the properties of *-m* is not clear. It may be that the structure with *-ž'e* and a verb with applicative in (15) results from the fact that applicative was applied, and then the instance of the complement, marked with the canonical oblique case, was eliminated. However, this mechanism needs to be elaborated in more detail.

The marker *-ew* is systematically less close to nominal (argument) markers, such as *-m*. This is why *-ew*-complements have less chance to adopt the properties of the canonical argument marker, represented in (16).¹

4.2. The syntactic position of the clausal complement

The second factor of (im)possibility of agreement is the syntactic position of the clausal complement. For some speakers, the variant with plural agreement is impossible if the clausal complement occupies the position of A of a transitive verb (e.g., a causer, introduced by the causative marker), but possible if the CC occupies an indirect object position (I do not consider here the P position, because the absolutive agreement is not always obligatory even with an NP argument).²

This type of opposition is illustrated by examples (21) vs. (22). Although in both contexts there are two situations ('when I drive a car' and 'when I jump with a parachute') which could potentially trigger plural agreement, actual agreement is only possible in (22), where the 3PL plural marker *a-* occupies the indirect object position, which is introduced by the locative applicative marker *š'e-*, marking the stimulus of emotion in this context. In (21), where the stimulus occupies the A position, introduced by the causative *we-*, the plural agreement is impossible.

Note that the verb form in the sentential argument is the same in (21) and (22).

- (21) **mame a-we-š'ʰəne mašjəne s-fə-me*
 mummy 3PL.A-CAUS-fear car 1SG.ERG-lead-COND
parašwət-ž'-jə sə-q-je-pč'exə-me.
 parachute-INS-LNK 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-COND
 Intended: 'It frightens my mother if I drive a car and if I jump with a parachute.'

¹ Note, however, that some native speakers allow two variants (with or without plural agreement) both for *ew*-marked and for *ž'*-marked clausal complements. This means that the vague notion of systematic similarity between *-ew* vs. *-ž'e* and the oblique marker *-m*, proposed above, can be interpreted differently by different native speakers.

² Although I did not carry out a corpus-based work, it seems that this factor is relevant for a greater number of speakers than the first one.

- (22) *mame* *a-š'e-š'həne* *mašjəne* *s-fə-me*
 mummy 3PL.IO-LOC-fear car 1SG.ERG-lead-COND
parašwət-ž'-jə *sə-q-je-pč'exə-me.*
 parachute-INS-LNK 1SG.ABS-DIR-DAT-jump-COND
 'My mother is afraid if I drive a car and if jump with a parachute.'

This fact seems to contradict the hierarchy of syntactic roles (accessibility hierarchy), proposed by Keenan and Comrie (1977). In general, the higher the syntactic position of the argument is, the more it is possible that the argument controls agreement. For instance, agreement with S and A is more frequent across languages than agreement with IO and DO. However, in Adyghe, agreement with a clausal complement in a lower position (IO) is allowed by the speakers easier than agreement with a CC in the A position.

The possible explanation is related to the prototypical type of the argument in the A vs. IO position. The position of A is semantically related to the most active participant: this is why it is typically filled by an agentive or agent-like argument. This makes it possible for the language system to match the syntactic hierarchy, where the A position is the highest one, with the semantic hierarchy, where the Agent is the participant that is more responsible for the situation than any other participant. Non-canonical arguments, such as clausal complements, are not easily accepted in this position. Complement clauses, which virtually correspond to the A position, behave as non-canonical subjects in that they cannot control agreement.

By contrast, the position of IO is not so restrictive, because it is not expected to contain an active participant. This is why non-canonical arguments are easily accepted as IOs and can trigger plural agreement.

A question arises why clausal complements are, nevertheless, possible in the A position, though they do not control plural agreement. A possible answer is that the restriction on the filler of the A position acts on the morphological level (see [Baker, 1996], with the hypothesis that many typically syntactic restrictions work on the morphological level in polysynthetic languages). This does not mean that clauses are in general prohibited to be in the A position.

Note that the distinction between A and IO only has to do with the syntactic status of the arguments. It is not related to the formal marking of the clausal complement, since the complements in the A and IO positions bear identical case-marking: in (21) and (22) they are both marked with the conditional suffix *-me*. The same is true for NP arguments, which, as mentioned above, are marked with the ergative / oblique marker *-m*, both in the A and IO position.

The situation we observe in the domain of agreement is reminiscent of the one in the reflexivization domain. Here also, the syntactic hierarchy

(A is ranked higher than IO), is in fact semantically motivated. If a transitive A and a DO are bound by the reflexive relation, the reflexive marker is situated in the DO slot and controlled from the A slot:

(23) *zə-s-jə-ke-λeβʷə-β.* (Temirgoy)

REFL.ABS-1SG.IO-3SG.ERG-CAUS-see-PST

‘He showed himself to me.’ (lit. ‘He made me see himself’).

In contrast, under the DO = IO type of reflexivity, the reflexive marker is controlled from the DO slot:

(24) *βʷənʒe-m-č'e s.ja-ne sə-ze-rjə-ke-ɣλə-ž'ə-β.* (Temirgoy)

MIRROR-OBL-INS 1SG.POSS-mother 1SG.ABS-REFL.IO-3SG.ERG-CAUS-look-RE-PST

The mother made me look at myself in the mirror.

(Causative > Reflexive)

This means that the syntactic hierarchy, valid for the reflexive criterion, looks like A > DO > IO. At the same time, the difference between (23), where the reflexive marker is controlled from the A slot and (24), with the control from the DO slot can well be accounted in semantic terms: the reflexive marker is always controlled by the most agentive argument and occupies the slot of the least agentive one.

For agreement, as shown above, the explanation can also be semantic. If what really matters in Adyghe is cross-reference, we can claim that the A position of the causative is prototypically filled by an agent or, at least, a name of a physical object. The fact that a clausal complement itself is possible with causative verbs, is not really surprising in this case, because we suppose that free NPs and dependent clauses do not have the whole set of argument properties. By contrast, the IO position is not expected to contain an agent or a physical object. Note that it has been shown in many studies (see, for instance, [Büring, 2005, p. 16; Jackendoff, 1972]) that processes, which are virtually purely syntactic, often allow or even require a semantic (or partly semantic) explanation, for instance, in terms of thematic hierarchy [Jackendoff, 1972] or the animacy feature [Silverstein, 1976].¹

The problem of the proposed analysis, based on the correspondence of semantics and syntax is that Adyghe causatives do not necessary have an agentive subject. However, in examples like (25), the A of transitive verbs is coded by an NP in the oblique case, not a clausal complement.

¹ I thank an anonymous reviewer for reminding me an analogous case, discussed in Bresnan and Mchombo's (1987) article on Chicheŵa. However, it seems that the analogy is not ideal here. While in Chicheŵa, different argument positions use different techniques of combining morphological and syntactic argument expression, in the case I discuss for Adyghe, the difference between A and IO is valid for agreement with complement clauses, while in the constructions with NP arguments, no asymmetry between the same argument positions is found.

- (25) *ruslane ja-tetež žave-m ja-ve-la-v.* (Temirgoy)
 Ruslan 3SG.POSS-grandfather old.age-OBL 3SG.ERG-CAUS-die-PST
 ‘Ruslan’s grandfather died of old age.’ (lit. ‘Old age killed Ruslan’s grandfather’).

I propose that the semantic restrictions on the A position only become relevant when the structure contains a non-canonical (e.g., clausal) A-argument. If the position is occupied by an NP, as in (25), the syntactic validity of the structure prevails over the semantic restrictions.

5. Long distance agreement

Some native speakers which do not allow clausal complements to control agreement use a structure like in (26) and (28) instead. Here the matrix predicate agrees with the A of the embedded clause.

- (26) *deɣʷə(-x) č'ale-me pč'əšhe-məšhe-xe-r*
 good(-PL) boy-OBL.PL fruit-PL-ABS
bew zer-a-škə-re-r.
 many REL.FCT-3SG.ERG-eat-DYN-ABS
 ‘It is good that our boys eat much fruit.’
- (27) *dejə>(*x) mə č'ale-r zere-šʷə-ve-r*
 bad-PL this boy-ABS REL.FCT-get.wet-PST
əč'jə zə-zer-jə-wəpcepə-ž'ə-ve-r.
 and REFL.ABS-REFL.FCT-3SG.ERG-get.dirty-RE-PST-ABS
 ‘It’s bad that the boy got wet and dirty.’
- (28) *dejə-x mə č'ale-xe-m zə-zer-a-wəpcepə-ž'ə-ve-r*
 bad-PL this boy-PL-OBL REFL.ABS-REFL.FCT-3PL.ERG-get.dirty-RE-PST-ABS
əč'jə zə-zer-a-ve-šʷə-ž'ə-ve-r.
 and REFL.ABS-REFL.FCT-3PL.ERG-get.wet-RE-PST-ABS
 ‘It’s bad that the boys got wet and dirty.’

In (26), it is evident that the optional plural marking on the adjective *deɣʷə* ‘good’ is not motivated by the plurality of clausal complements (the sentence contains only one CC ‘they eat much fruit’). It seems that the plural marker *-x* denotes the plurality of the agent in the embedded clause (‘boys’). In other words, the structure is like (29):

- (29) ‘They are good that the boys eat much fruit.’

In (28), the number of the matrix predicate might potentially agree with the two clausal complements (‘that they got wet’ and ‘that they got dirty’). However, the native speaker who provided this data does not allow agreement with clausal complements in this context, as shown by the ungrammati-

cality of (27). Thus, the number on the matrix predicate – the adjective *deja*(x) ‘it’s bad’ – is triggered by the agent (‘boys’) of the embedded clause.

Not surprisingly, in constructions of this sort the embedded predicate (‘eat’ in (26) and ‘get dirty and get wet’ in (28)) also carries plural agreement, which it gets from its own argument (‘boys’).

It seems plausible to analyze contexts of this sort as long-distance agreement. If this analysis is correct, then we should consider that the agent of the embedded clause controls agreement in the main clause.

The main syntactic position where the LDA is observed is the subject position of adjectives having a clausal subject (‘It is good that’). However, sometimes the same type of phenomena is observed with ‘verbs proper’.

- (30) *Sweldatə-r* *a-š'ə-š'ʰəna-κ* *a-wəʔe-n-ǰ'e*.
 soldier-ABS 3PL.IO-LOC-be.afraid-PST 3PL.ERG-WOUND-MSD-INS
 ‘The soldier was afraid that he would be wounded
 (lit. ‘was afraid of them that they would wound him)’.

While in (26) and (28), we apparently observe a long distance agreement, this is not so obvious in (30). In this example, it can be interpreted as a structure like ‘The soldier was afraid of them that they wound him’, e.g., the verb has a nominal argument ‘they’, while the clausal complement is added afterwards to denote the ground of the fear. It seems that the same analysis is more problematic in examples like (26) and (28): the reading, supposed for (30), would look like ‘Boys are good that they eat much fruit’ for (26). Under this reading, the boys themselves would be evaluated as good, which is not the case, according to the native speaker’s judgment.

[Serdobol’skaya, Letuchiy, 2005] show that ‘mixed’ structures of this sort, where a clausal complement is added to a full structure with an NP argument (e.g., ‘I got angry with Peter that he was late’) are not rare in Russian – a language where no real raising or long distance agreement is found. For instance, this kind of pattern may contain an afterthought: the speaker chooses the nominal pattern (‘I am afraid of them’), and then adds a clausal complement which makes the ground of the emotion clearer. However, the afterthought analysis needs to be confirmed by empirical tests which show that the speaker re-analyzes the syntactic structure in the process of the speech. Currently, no empirical data of this sort are available for Adyghe.

6. Conclusions

In this paper I have considered an unusual phenomenon observed in Adyghe: agreement with clausal complements. The existence of this sort of agreement proves that Adyghe CCs have a subset of nominal properties. In many other languages clausal complements never control agreement.

This fact agrees well with another feature of Adyghe. It has been shown (see, for instance, [Lander, 2012]) that Adyghe does not show a strict distinction between nouns and verbs as parts of speech. It is more plausible to speak of argument positions and the predicate position, and both the former and the latter can be occupied by words of different parts of speech (as they are traditionally defined). Not surprisingly, the distinction between nominal arguments and sentential ones is also not as strict as, for instance, in Standard Average European languages.

At the same time, we cannot say that the two types of arguments – nominal and sentential ones – behave similarly. While agreement with argument NPs is always possible, though sometimes optional, the same is not true for clausal complements. We have shown two parameters to be relevant for the (im)possibility of agreement: (1) formal type of the clausal complement and (2) syntactic position of the clausal complement.

Concerning parameter (1), it is surprising that even clausal complements with peripheral (non-argument) marking can trigger agreement. However, inside the system of peripheral markers, there is a difference in the (in)ability to trigger agreement. As noted before, CCs marked with the instrumental *-ʒe* marker are more plausible candidates for plural agreement than those marked with the secondary predication marker *-ew*. I proposed that this is due to the fact that the instrumental marker – is regarded by native speakers as a marker of the nominal paradigm, parallel to the argument marker *-m* of the oblique case. This is why complements, marked with the instrumental suffix, easier adopt some features of argument NPs than complements marked with the converb marker *-ew*, which is a marker of dependent clauses which has not much to do with argument marking.

The very fact that the presence / absence of ‘nuclear’ (oblique or absolutive) marking of the clausal complement is not always crucial to the possibility of agreement is very interesting. This supports the hypothesis proposed in [Serdobol’skaya, Motlokhov, 2009] that the formal marking of the verb in a clausal complement does not fully define the syntactic position of the complement.

Parameter (2) says that that the verb agrees with clausal complements in the position of A of transitive verbs (e.g., the causer of causative verbs) less readily than with CCs in the IO position. I claimed that this fact, seemingly conflicting with the hierarchy of syntactic positions, results from restrictions on the filling of the A position, which are not valid for the lower IO position.

The phenomenon of agreement with complement clauses is typologically rare. The fact that it is observed in Adyghe is illustrative in two respects. First, it shows once more that the distinction between nouns and verbs (NPs and VPs) is not as sharp in Adyghe as, for instance, in SAE languages). Second,

it shows that this distinction, nevertheless, exists, which is evident from the fact that agreement with complement clauses is much more restricted in Adyghe than agreement with NP arguments.

References

- Baker, 1996 – Baker M. The polysynthesis parameter. Oxford, 1996.
- Bresnan, Mchombo, 1987 – Bresnan J., Mchombo S. Topic, Pronoun, and Agreement in Chicheŵa. *Language*. 1987. Vol. 63. № 4. Pp. 741–782.
- Büring, 2005 – Büring D. Binding theory. Cambridge, 2005.
- Davies, Dubinsky, 2009 – Davies W.D., Dubinsky S. On the Existence (and Distribution) of Sentential Subjects. University of South Carolina. Faculty publications, 2009.
- Delahunty, 1983 – Delahunty G. But sentential subjects do exist. *Linguistic Analysis*. 1983. Vol. 12. Pp. 379–398.
- Ershova, 2012 – Ершова К.А. Конструкции с сентенциальными актантами в бесленевском диалекте кабардино-черкесского языка: Дипломная работа. РГГУ, 2012. [Ershova K.A. Konstrukcii s sentencial'nymi aktantami v besleneevskom dialekte kabardino-čerkesskogo jazyka [Constructions with complement clauses in Beslenny Kabardian]. BA thesis. Moscow, 2012.]
- Fortescue, 1994 – Fortescue M. Polysynthetic morphology. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. R.E. Asher et al. (eds). Oxford, 1994. Pp. 2601–2602.
- Fortescue, 2007 – Fortescue M. The typological position and theoretical status of polysynthesis. *Linguistic Typology*. J. Rijkhoff (ed.). Erhus, 2007. Pp. 1–27.
- Jackendoff, 1972 – Jackendoff R. Semantics in Generative Grammar. Cambridge, Mass., 1972.
- Knyazev, 2014 – Knyazev M.Yu. Structural licensing of sentential complements: Evidence from Russian noun-complement constructions. *Bucharest working papers in linguistics*. Vol. XVI. № 2. Cornilescu A., Avram L. (eds.). Bucharest, 2014.
- Kumakhov et al., 1996 – Kumakhov M., Vamling K., Kumakhova Z. Ergative case in the Circassian languages. *Working Papers 45, Lund University, Dept. of Linguistics*. 1996. Pp. 93–111.
- Lander, 2012 – Ландер Ю.А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. [Lander Yu.A. Reljativizacija v polisintetičeskom jazyke: adygejskie odnositel'nye konstrukcii v tipoloičeskoj perspective [Relativization in a polysynthetic language: Adyghe relative constructions in the typological perspective]. PhD dis. Moscow, 2012.]
- Letuchij, 2012 – Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 57–87. [Letuchij A.B. On some properties of Russian complement clauses. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. Vol. 5. Pp. 57–87.]
- Letuchiy, 2012 – Letuchiy A.B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing operations. *Ergativity and voice*. J. Authier, K. Haude (eds.). Berlin, 2012. Pp. 323–353.
- Letuchiy, 2014 – Letuchiy A.B. *Esli*-clauses: arguments or adjuncts? Factive or non-factive? Workshop on (Non)factivity in complementation. DGFS conference, Marburg. 2014.

McCloskey, 1991 – McCloskey J. There, it, and agreement. *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. Pp. 563–567.

Noonan, 2007 – Noonan M. Complementation. *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*, 2nd ed. Shopen T. (ed.). Cambridge, 2007. Pp. 52–150.

Quer, 2008 – Quer J. Argument clauses and nominal features. *Lingue e linguaggio*. 2008. Vol. VII. Issue 1. Pp. 93–110.

Schwabe, 2014 – Schwabe K. Conditional clauses with argument features. Workshop on (Non)factivity in complementation. DGFS conference, Marburg, 2014.

Serdobol'skaya, Letuchiy, 2005 – Serdobol'skaya N.V., A.B. Letuchiy. Object or situation: the factors of expressing the arguments of mental verbs in Russian. *East West Encounter: Second international conference on Meaning – Text theory*. Ju.D. Apresjan, L.L. Iomdin (eds.). Moscow, 2005.

Serdobol'skaya, Motlokhov, 2009 – Сердобольская Н.В., Мотлохов А.В. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма / Под ред. Я.Г. Тестельца и др. М., 2009. С. 498–543. [Serdobol'skaya N.V., Motlokhov A.V. Semantics of constructions with complement clauses in Adyghe. *Aspekty polisintetizma*. Testelets Ya.G. et al. (eds.). Moscow, 2009. Pp. 498–543].

Silverstein, 1976 – Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R.M.W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. Pp. 112–171.

Статья поступила в редакцию 10.12.2016

The article was received on 10.12.2016

Летучий Александр Борисович – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Letuchiy Alexander B. – PhD in Philology; Assistant Professor of School of Linguistics, National Research University «Higher School of Economics»

E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

Д.Б. Тискин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Россия

Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров – 2016» и Четвертая конференция по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию (Московский педагогический государственный университет – Институт языкознания РАН, 12–14 октября 2016 г.)

Статья представляет собой обзор двух конференций: международной, посвященной типологически ориентированному описанию параметрического варьирования в грамматике, и связанной с нею конференции более широкой тематики для студентов и аспирантов. Помимо вопросов параметризации типологических и внутриязыковых описаний, участники конференций обращались к таким проблемам теории грамматики, как синтаксис клитик и соотношение клитик и аффиксов, дифференциальное маркирование участников и диатеза, морфосинтаксис именной группы и группы числительного. Значительная часть докладов была посвящена истории и современному состоянию русского и других славянских языков, а также грамматическому описанию языков России.

Ключевые слова: аргументная структура, дифференциальное маркирование аргументов, клитики, лингвистическая типология, параметрическое описание грамматики, приписывание падежа.

D. Tiskin

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, 199034, Russia

The 6th conference in the series «Typology of Morphosyntactic Parameters» and 4th Conference on General, Nordic and Slavic linguistics for graduate and doctoral students

(Moscow State University of Education –
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences, 12–14 October 2016)

The paper presents an overview of two related events: an international conference on the typologically oriented description of parametric variation in grammar and a conference for graduate and doctoral students with an emphasis on general, Nordic and Slavic linguistics. Apart from the issues of intra-linguistic and typological parametric description, the conferences covered a wide array of topics ranging from the syntax of clitics to differential argument marking and diathesis to noun phrase and numeral phrase morphosyntax. Several talks focused on the history of Russian and other Slavic languages and on their synchronic description, as well as on the documentation of minority languages of Russia.

Key words: argument structure, case assignment, clitics, differential argument marking, linguistic typology, parametric description of grammar.

С 12 по 14 октября 2016 г. в Московском педагогическом государственном университете и Институте языкознания РАН проходили две конференции, традиционно объединенные общим составом организаторов и местом проведения, – международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров» (ТМП 2016) и Конференция по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию (GeNSLing 2016), предполагающая выступления студентов и аспирантов из России и из-за рубежа. Рамки обзора не дают возможности для обсуждения каждого из докладов; мы стремились охватить основные тематические направления и выделить выступления, наиболее характерно представляющие каждое из них.

Название международной конференции во многом предопределило ее типологическую ориентацию. Ряд докладов был посвящен проблемам параметризации типологической информации, т.е. поиска более или менее элементарных и взаимонезависимых признаков, которые могли бы быть основанием для сравнения языков. Поиск новых параметров варьирования, в особенности тех, которые являются градуальными (в противоположность бинарным), – одна из основных задач современных типологических исследований.

Проблемы параметризации занимали центральное место в пленарном докладе *А. Витцлак-Макаревич* (A. Witzlack-Makarevich, Кильский университет имени Кристиана Альбрехта) «Typological variation of grammatical relations: How to capture it and what it tells us». Неадекватность традиционно выделяемых в европейской лингвистической традиции грамматических отношений для общей типологии является, по-видимому, общепризнанной. Так, выбор стратегии кодирования ядерных участников (например, номинативной vs. эргативной) и выбор участника-контролера согласования глагола оказываются независимыми переменными, что демонстрирует неадекватность традиционного понятия субъекта, которое в прототипическом случае подразумевает сочетание способности кодировать S и A и способности контролировать субъектное согласование глагола. С другой стороны, по сей день остается неясным, какие признаки следует учитывать при выявлении субъекта в данной конструкции данного языка и какие веса следует приписывать при этом выбранным признакам. Если данную проблему попросту игнорировать, объединенными в описании под общей рубрикой могут оказаться весьма разнородные явления. Докладчик видит выход в максимально дробном описании каждого языка, данные которого поступают в базу данных (больше отдельных переменных, описание каждого, а не только доминирующего типа конструкции), и обобщении полученных характеристик уже после того, как база данных составлена. Тогда сама по себе база данных не будет «инфицирована» обобщающим действием той или иной теоретической перспективы, а исследователь сможет выбрать для обобщения те критерии и соединить те классы употреблений, которые представляются чем-то единым с точки зрения его теории, не искажая при этом языкового разнообразия в базе данных.

В заключение был затронут вопрос о нейролингвистических предпосылках наблюдаемых в типологии распределений. Было показано, что более широкое распространение номинативной стратегии по сравнению с эргативной может быть связано с тем, что при восприятии речи слушающий ожидает в начале высказывания референции к субъекту; если ее не происходит, а субъект называется позднее и кодируется особой

формой (как в переходной конструкции эргативного языка), то слушающий вынужден повторно анализировать структуру услышанного, что вызывает изменение вызванного потенциала (event-related potential, ERP), аналогичное тому, которое наблюдается при восприятии garden-path sentences. Иначе говоря, ceteris paribus, восприятие эргативной конструкции требует больших ресурсов, нежели восприятие номинативной, и предпочтение языками мира последней отвечает соображениям экономии.

С другой стороны, некоторым докладчикам удалось продемонстрировать уязвимость существующих типологических обобщений: *Л.В. Хохлова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) представила доклад «История западных индоарийских языков в зеркале пяти типологических универсалий», где показала, в частности, что некоторые новоиндийские языки не только претерпевали на некотором историческом этапе эволюцию в сторону эргативного строя, но и, вопреки существующим в литературе генерализациям, лучше сохраняют эргативную систему у местоимений, нежели у существительных, к тому же в единственном числе лучше, чем во множественном.

Типологическая перспектива возможна не только для языков мира в целом, но и для языков некоторого ареала или конкретной генетической группы. К последнему типу принадлежит доклад *М.Б. Коношенко* (РГГУ/МПГУ) «К параметризации распада системы именных классов в языках ква». Языки ква (< нигер-конго) унаследовали от праязыка развитую систему именных классов, контролирующую согласование атрибутивных лексем и детерминативов, однако во многих современных языках ква эта система подверглась тем или иным формальным и семантическим видоизменениям и упрощениям, классификация которых представлена в докладе. Автор сопоставляет полученную классификацию с типами изменений системы классов, известными для других нигеро-конголезских языков, и приходит к выводу о существовании специфических для ква изменений.

Наконец, параметрический подход может применяться и к варьированию между «лектами» одного языка, а также к свободному варьированию в рамках одного «лекта». Трудности описания такого варьирования проанализированы в докладе *А.А. Герасимовой* (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы». Основная проблема здесь – совмещение в одной грамматике в качестве допустимых вариантов тех значений параметра, которые при описании межъязыкового варьирования признаются взаимоисключающими. Впрочем, данные проведенных автором экспериментов показали, что в конкретном случае – при выборе падежей

зависимых номинализации типа *пользование гражданами природным газом vs. пользование граждан земельными участками* – варианты оказались распределенными по различным идиолектам. Была затронута в докладе и другая существенная для методологии лингвистики проблема – несовпадение результатов, полученных в экспериментах по порождению речи, с суждениями респондентов о грамматичности.

Значительная доля выступлений была посвящена описанию и классификации новых данных о языковых явлениях, представляющих типологический интерес. В частности, не утратила популярности традиционная для конференции проблема клитик. Так, в докладе *А.В. Циммерлинг* (МПУ / ИЯз РАН) «К типологии эндоклитик» было показано, что эндоклитики (линейно несамостоятельные словоформы, в некоторых случаях разрывающие словоформу-хозяина) не составляют отдельного класса клитик, наряду с проклитиками и энклитиками, а занимают свою позицию в соответствии с особенностями базиса, к которому присоединяется клитика, – с тем, что базис на том или ином уровне представления рассматривается не как единая словоформа. Докладчик выделяет три параметра, регулирующих поведение клитик: позиция мишени эндоклизы (внутри морфемы; между корнем и аффиксом; между морфемами, не представимыми как корень и аффикс), позиция комплекса, содержащего эндоклитику, в клаузе и возможность/необходимость кластеризации эндоклитик.

Соотношение клитик и словоизменительных показателей стало темой доклада *Дж. Эмондса* (J. Emonds, Университет Палацкого, Чешская Республика), который подверг критике традиционное противопоставление этих двух классов. Это представление зиждется на том, что аффиксы (но не обязательно клитики) специализированы в отношении категориальной принадлежности присоединяющей лексемы, допускают фузию и некомпозиционность в семантике. С точки зрения докладчика, данный принцип дифференциации недостаточно строго сформулирован. В противоположность ему, Дж. Эмондс предлагает принцип альтернативной реализации (AR), согласно которому признаки могут выражаться не в той структурной позиции, где они интерпретируются, но только если позиция реализации и позиция интерпретации расположены в дереве как единицы, проекции которых (любого уровня) являются сестрами (ср. близкую формулировку в [Emonds, 2000, p. 125]). Единицами, подчиняющимися AR, оказываются и такие клитики, как англ. *'ve* (= *have*), и такие аффиксы, как англ. *-s* '3SG' (но не *'s* = *is*, поскольку реализуемые им признаки не локализованы в субъектной ИГ, к которой он линейно примыкает). С другой стороны, падежные суффиксы и флексии и экспоненты согласовательных категорий прилагательных и глаголов (лица,

числа, рода) оказываются исключены из охвата AR, поскольку реализуемые ими признаки локализованы в более удаленных участках структуры; с этим согласуется и то, что такие единицы не характеризуются потерей формальной (отсутствие фузии) или семантической (композиционность) автономности. Новая классификация линейно несамостоятельных элементов представляет несомненный интерес, однако вопрос о ее применениях, как кажется, не получил достаточного освещения в докладе.

К числу посвященных клитикам докладов можно отнести и выступление *А.А. Ионовой* (Лейденский университет, Нидерланды) «Эффект зависания предлога при слусинге в русском языке», в котором возможность опущения некоторых предлогов при слусинге (*Это было накануне праздника, но я не помню, (накануне) какого, но *Это совпало с каким-то праздником, но я не помню, каким*) связывается с их фонетическими, а не грамматическими свойствами: предпочтительно опускаются полноударные предлоги, образующие в сочетании с существительным целую фразу, а предлоги-клитики опускать нельзя.

Еще одной темой, сосредоточившей на себе интерес участников в этом году, стало *дифференциальное маркирование* субъекта и объекта (DOM). Так, пленарный доклад секции GeNSling, прочитанный *Т.В. Никитиной* (Centre national de la recherche scientifique, CNRS, Франция), «Differential subject marking and information structure in Wan» был посвящен стратегиям, используемым в языке ван (< юго-восточные манде) в случаях, когда субъект клаузы не менее выделен в дискурсе (определен и прономинален), чем объект. В таких случаях субъект либо топикализуется с появлением в самой клаузе анафорического элемента (сегментного или супraseгментного), либо оформляется специальным показателем. Материалом исследования послужили корпусные данные, которые, в отличие от традиционных полевых методов, позволяют отследить широкий спектр дискурсивных характеристик референтов.

Н.В. Сердобольская (РГГУ/МПГУ) и *С.Ю. Толдова* (НИУ ВШЭ / МГУ им. М.В. Ломоносова), представившие доклад «Структурная позиция прямого дополнения и его коммуникативный статус (на материале печорского диалекта коми-зырянского языка)», подвергли критическому рассмотрению теоретический принцип, согласно которому различное падежное маркирование свидетельствует о различиях в синтаксической структуре. В исследованном диалекте, как и в ранее описанном ненецком языке, прямое дополнение, вне зависимости от выбора одного из допустимых способов кодирования, проявляет одни и те же синтаксические свойства. Это приводит авторов к заключению о том, что прямое дополнение во всех обсуждаемых случаях имеет весь набор проекций

DP, а выбор маркирования «подчиняется семантическим и дискурсивным правилам».

А.А. Козлов (МГУ им. М.В. Ломоносова / ИЯз РАН) в докладе «Штрихи к портрету мокшанского DOM'a» обратил внимание на необходимость отличать дифференциальное маркирование от различий в маркировании участников, вызванных различиями в диатезе; так, со ссылкой на работу [Leisiö, Kozlov, 2016] было показано, что в мокшанском языке различие между GEN.DEF и NOM относится к сфере DOM, а конкурирующий с ними показатель *esə* (локативная форма послелога 'из') представляет собой другое явление, поскольку не обладает достаточным для статуса прямого дополнения набором свойств структурного приоритета. Его предлагается трактовать как способ оформления участника антипассивной конструкции, которая не маркируется особым показателем на глаголе.

Наряду с дифференциальным маркированием одного и того же участника, обсуждались и случаи одинакового кодирования различных участников в пределах клаузы. *Б.А. Захарьин* (МГУ им. М.А. Ломоносова) представил доклад «Двойной аккузатив в древнеиндийском», посвященный клаузам, в которых аккузативом выражено как прямое, так и косвенное дополнение. Применение критерия пассивизации для выявления прямого дополнения здесь сталкивается с затруднениями, поскольку (а) некоторые случаи допускают продвижение любого из двух дополнений в позицию субъекта и (б) в ряде случаев невозможность продвижения связана с «семантико-валентностной рамкой», соответствующей данному глаголу (например, глагол со значением 'X стряхивает Y с Z' не допускает продвижение Z, поскольку с этим участником ассоциировано значение целого, часть которого выступает Y). Кроме того, возможность для данного глагола выступать в двуаккузативной конструкции оказывается исторически изменчивой характеристикой.

Проблема совпадающего маркирования более чем одного участника была, наряду с другими, затронута и в докладе *М.Л. Федотова* (ИЛИ РАН) «Нетривиальные морфосинтаксические явления в языке гбан». В гбан (< манде < нигер-конго) в каузативной конструкции наряду с унаследованным от вложенной клаузы прямым дополнением выступает прямое дополнение, соответствующее агенсукаузируемой ситуации. Автор предполагает, что источником этой конструкции могла быть номинализация, допускающая более одного зависимого.

Помимо типологически ориентированных работ, на конференции были представлены и формальные описания фрагментов грамматики различных языков, таково было выступление *Л. Веселовской* (L. Veselovská, Университет Палацкого, Чешская Республика)

«Two Kinds of Merge: Homogenous and heterogenous quantifier patterns in Czech». В отличие от русского языка, в чешском имена малых количеств ('два', 'три' и 'четыре') во всех падежах согласуются с вершинным существительным; имена больших количеств, как и в русском, управляют генитивом существительного, если стоят в номинативе или аккузативе, а в прочих случаях согласуются. Предлагаемое в докладе объяснение этого различия состоит в том, что в случае управления происходит адъюнкция числительного из позиции вершины количественного сочетания Q к вышестоящей вершине D⁰ справа, тогда как в случае согласования числительное подвергается адъюнкции к D⁰ слева. Адъюнкция справа блокирует приписывание падежа компоненту Q⁰ – именной группе, и та остается с падежом, приписанным ей прежде функциональной проекцией *n*; этот падеж и есть генитив. Во втором случае D⁰ может приписать падеж Q⁰; этот падеж – номинатив, который, поскольку приписывается выше, способен записываться «поверх» ранее приписанного генитива, устрояя его.

К числу докладов, где предпринимается попытка на основе наблюдаемых различий сделать вывод о соответствующих им различиях в структуре, относится и выступление *Т.И. Бондаренко* (МГУ им. М.В. Ломоносова), которая использовала семантические тесты, чтобы определить, содержат ли русские и грузинские конструкции малую клаузу, обычно предполагаемую для их английских аналогов. В частности, поскольку рус. *Маша опять отдала Васе книгу*, как и его грузинский аналог, не имеет реститутивного прочтения ('Маша сделала так, что: опять: книга у Васи'), постулирование малой клаузы для дитранзитивов в этих языках нецелесообразно.

В докладе *Д.О. Жорник* (МГУ им. М.В. Ломоносова) исследовалось влияние шведских частиц, образующих в сочетании с глагольной лексемой фразовые глаголы, на аргументную структуру и ставилась задача разрешить спор о структуре составляющих в конструкции с фразовым глаголом. В зависимости от вклада в аргументную структуру были выделены частицы, влияющие на аргументную структуру, аспектуальные частицы и пространственные наречия, лишь омонимичные частицам; различным типам соответствуют и различные структуры, чем и разрешается спор. Поскольку если частица вводит новый аргумент, то этот аргумент – прямое дополнение, автор предлагает считать, что частица управляет этим аргументом; следовательно, структура, соответствующая таким частицам, – [V [Prt NP]].

Заслуживающий внимания пример использования тестов, позволяющих провести ранее неизвестное формальное различие между единицами данного языка, представлен докладом *О.Е. Пекелис* (РГГУ) «О двух

типах местоимения *это* в функции проформы сентенциального зависимого». Автор демонстрирует, что в предложениях *Если он еще способен злиться, это хорошо* и *Это хорошо, что он еще способен злиться* представлены, соответственно, «однозначное» и «эксплетивное» *это*. Первое замещает сентенциальный актант (ср.: ...*то, что он способен злиться, хорошо*), а второе лишь заполняет синтаксическую позицию, тогда как соответствующий актант выражается далее в той же клаузе (ср.: *Хорошо, если... и Оно хорошо, если...*). Отмечается и возможность «промежуточных» случаев.

Русистика и в целом составляет один из основных тематических блоков конференции. Так, целый блок докладов GeNSLing был посвящен вопросам истории восточнославянских языков. К.Ю. Дойкина (МГУ им. М.В. Ломоносова) проследила неоднородность процессов утраты местоимений-энклитик в пользу полноударных форм на материале княжеских духовных и договорных грамот XIV–XVI вв., причем подтвердился тезис А.А. Зализняка [Зализняк, 2008, с. 136, 139, 167 и др.] о большей устойчивости клитик ед. ч. и выявилась большая устойчивость клитик DAT.SG *ми* и *ти* по сравнению с клитиками ACC.SG. М.В. Скачедубова (ИРЯ РАН) анализировала употребления форм плюсквамперфекта в Ипатьевской летописи, пополнив, в частности, перечень известных примеров плюсквамперфекта с основой на *бы-* (в противоположность *бъ-*). М.А. Тюренкова (МГУ им. М.В. Ломоносова) выдвинула обоснованное предположение о принципе, регулировавшем употребление особого варианта графемы *ε* в Клецкой замковой книге – западнорусском памятнике конца XVI в. Историческая, хотя и не диахроническая, перспектива принята и в докладе К. Дзанчи и К. Наккарато (С. Zanichi, Университет Павии; С. Naccarato, Университет Бергамо, Италия) «Multiple prefixation in Old Church Slavonic and Old Russian». Оказалось, что в исследованном материале представлено вдвое больше древнерусских лексем с множественной префиксацией, чем старославянских, и приблизительно вдвое больше различных комбинаций префиксов.

В ряде выступлений явления русского языка рассматривались в типологической или сопоставительной перспективе. И. Игартуа и Н. Мадариага (I. Igartua, N. Madariaga, Университет Страны Басков, Испания) в пленарном докладе «Russian paucal constructions within a general typology of numeral constructions» отметили, что, хотя само по себе особое построение паукальных конструкций в русском языке (*два, три, четыре стола* vs. *пять, двадцать, девяносто столов*) имеет множество типологических параллелей, требование согласования с такими конструкциями по множественному числу (как в *эти два стола*) распространено куда менее; отдельные параллели известны и для различий между

существительными мужского и женского рода, а также разных типов склонения как элементами паукальных конструкций (*выбрать четыре няньки* при невозможности **выбрать четыре юноши*). Вариативность согласования с существительными женского рода при отсутствии таковой для мужского (*три бурые / бурых медведицы* при *три бурых медвежонка*) связывается в докладе с тем, что в некоторый момент истории языка в структуру количественно-именного сочетания вторгся «чужеродный» квантификативный элемент (терминология, позаимствованная из эволюционного описания синтаксиса в [Piatelli-Palmarini, Utiagereka, 2004]), вызывающий согласование прилагательного по множественному числу. В мужском роде старое номинативное согласование было полностью вытеснено, поскольку «счетная форма» в общем случае и так не совпадала с формой GEN.SG (*часá vs. чáса*); в женском же роде сохранению старого согласования способствовало стремление к унификации характеристик прилагательного с характеристиками его вершины, которая тоже имеет форму NOM.PL. Замечание о том, что степень индивидуализированности считаемых объектов влияет на приемлемость формы АСС, совпадающей с NOM (*Иван поймал три окуня* приемлемо, поскольку индивидуальные особенности и отличия окуней не интересуют говорящего), сближает доклад с работами о дифференциальном маркировании участников, обсуждавшимися выше. Д.Б. Тускин (СПбГУ) представил доклад «Negative floating quantifiers: underestimated evidence for the stranding analysis?», где сформулировал аргумент в пользу анализа плавающих определителей, предполагающего передвижение рестриктора. Аргумент основывается на том, что в английском языке отрицательный определитель может быть плавающим только в сочетании с местоименным компонентом (*They have none of them arrived*), трактуемым как резюмирующее местоимение, тогда как в русском языке, где ограничения на вынос из-под отрицания слабее (а отрицательные определители, возможно, представляют собой NPI, а не собственно выражение отрицания), местоименный компонент не требуется (*Они никто (*из них) не пришли*).

Электронное издание материалов конференции выйдет в конце 2016 г. Тезисы доступны на сайте конференции по адресам: <http://ossetic-studies.org/tmp2016/ru/programme/>; <http://ossetic-studies.org/tmp2016/en/programme/>.

Библиографический список / References

- Зализняк, 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie ênklitiki [Old Russian Enclitics]. Moscow, 2008.]
 Emonds, 2000 – Emonds J. Lexicon and Grammar: The English Syntacticon. Berlin/New York, 2000.

Leisiö, Kozlov, 2016 – Leisiö L., Kozlov A. Antipassive in Uralic languages. Paper presented at 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 2016.

Piatelli-Palmarini, Uriagereka, 2004 – Piatelli-Palmarini M., Uriagereka J. The Immune Syntax: The Evolution of the Language Virus. *Variation and Universals in Biolinguistics*. Jenkins L. (ed.). Elsevier, 2004. Pp. 341–377.

Статья поступила в редакцию 1.11.2016

The article was received on 1.11.2016.

Тискин Даниил Борисович – магистрант кафедры общего языкознания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Tiskin Daniel B. – graduate student, Department of General Linguistics of Faculty of Philology, Saint Petersburg State University

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2016.4

Электронная версия журнала:
www.mpgu.rf,
см. раздел «Издания МПГУ»

Сдано в набор 20.12.2016 г.
Подписано в печать 30.12.2016 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.